

ЗНАКА МІРКИНА

**Альманах ЛиА Р. Элинина
Выпуск 7**

Зинаида Миркина

**ПОТЕРЯ ПОТЕРИ
(стихи)**

**Литературно-издательское агентство Р. Элинина
Москва
1991**

ББК 84Р-5
А57.

**Альманах ЛиА Р. Элинина: Альманах.— Вып. 7/
Сост. Р. М. Нурудинов.**

—М.: Литературно-издательское агентство Р. Элинина.
1991.—165 с.

Зинаида Миркина, 1926 года рождения, училась на филологическом ф-те МГУ, печаталась как переводчик и публицист. Как поэт имеет отдельные публикации.

А $\frac{4702010202-7}{\text{р.№614/18.10.90/-91}}$ без объявл.

© Зинаида Александровна Миркина,
1991

© Составление и оформление.
Литературно-издательское агентство
Р. Элинина, 1991

ISBN 5—86280—007—7
ISSN 0869—107X

ОЧЕВИДНОСТЬ НЕВИДИМОГО

Поэзия Зинаиды Александровны Миркиной как бы насыщена воздухом горных вершин. И вместе с тем она проста, лишена всякой изысканности. Это разговор с Богом, перед которым нелепо прихорашиваться, перед которым смолкают наши взаимные счеты, наша ирония. Она признается Ему в любви, просто и открыто говорит о главном, о чем многие не решаются говорить. Может показаться, что эта беседа односторонняя, не диалог, а монолог. Но душа слышит, вслушивается, причастная великому безмолвию соединенных меж собою звезд, чей удел "светиться сквозь молчанье и тайное единство возвещать".

Внутренняя тишина предшествует молитве. Она первое условие богообщения. Кто молится, тот знает, как трудно порой сосредоточиться, отключиться от суетных мыслей, как трудно обрести внутреннюю тишину, которую Зинаида Миркина понимает как дар смирения. Все внешнее, поверхностное, разрозненное должно смириться перед внутренним, глубочайшим – Единым. Преклонить колени для поэта "так же важно, как дышать". Так пишутся эти стихи: сначала вломаться и поверить, а потом уже, собственно, акт творчества, когда "родится слово и забрезжит свет".

Шарль де Фуко (брат Шарль), основатель деятельных христианских братств, вспоминал, что в детстве его учили вслушиваться в тишину. Гуляя с дядькой по лесу, они молчали... Может быть в этом терпеливом вслушивании и родился будущий подвижник, безошибочно определивший нужды нашего шумного больного века...

Труд поэта – подвижнический труд. Особенно если стихи складываются как молитва, направленная в зенит без всяких сомнений и околечностей.

Жизнь в ее неулегимой сложности – единый процесс, не прерываемый смертью. Она имеет притягательную соб-

ранность кроны. Ветвистая и разноголосая, она удерживается единством творческого замысла, который художнику понятен, может быть, как никому другому.

Беспокойная ("ненасытная") человеческая душа мечется до тех пор, пока "ее не наполнит Дух Святой". То же самое говорил Иисус самарянке, приведшей за водой к колодезю: "Кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек". (Ин. 4,14)

Стихотворения Зинаиды Миркиной пронизывает христианская духовность. Однако своего неизменного собеседника она не называет по имени, а иногда и подчеркивает, что при всей вере в Него, он остается непостижимым и неведомым Богом, .. которого проповедывал апостол Павел набожным афинянам.

Это призыв к смирению разума, к согласию на великую Тайну, которую нельзя знать извне, которой можно только причаститься изнутри. Ум имеет дело с внешними объектами и только сердце с внутренней бесконечностью мира. "Лишь только умаление ума и разрастанье сердца..." Только тогда приходит успокоительная ясность.

Эта поэзия близка к молитвословию, искусству более всего раскрытому в псалмах Давида. Такое откровение и постоянство может пробудить только личностный Бог, узнаваемый "в миру", черты которого никогда не застывают и смысл которого неисчерпаем.

Духовный опыт автора этих стихов накапливался в смирении, в ушении вынести всю тяжесть мира, не теряя своего "я". Ее кредо - "быть и быть наперекор всему". Это о ней почти три тысячи лет назад сказал псалмопевец: "Князья сидят и сговариваются против меня, а раб Твой размышляет об уставах Твоих". (Пс. 118, 23)

Александр Зорин

ЧТО ЗНАЧИТ "Я"?

Х Х Х

Камин из пня. Костер - пещера.
Жар мягкий в воздухе ночном.
Углей мерцающих химеры
И шепот ветра ни о чем.

И шепот ветра, шорох бездны...
Так неужели вечность - мгла?
Так неужели я исчезну,
Уйду совсем, сгорю до тла?..

И будет свет мерцать, змеиться,
В безмолвии красном жар тая,
И будет вечер, будут лица,
И будет лес, -
а я?.. а я?..

Сгоревший уголь, пепла груды -
И тишь вокруг, и тишь в крови...
А я тогда себя забуду,
Совсем забуду, как в любви.

Когда вся тяжесть - пух лебяжий,
Не давит больше плоть моя;
Когда душа уже не скажет,
Не всхлипнет вдруг: "А я? А я?"

Э Л Е Г И Я

Что значит "я"?

Да, у меня есть имя

И даже это звание - "человек".

Но все слова, а что все это значит?

Есть в мире лес. Есть сосны над оврагом

И путаница веток молодых,

Бессмыслица звенящих трелей птичьих

И безымянность неба, безымянность

такого счастья!..

Кто ему даст имя? Кто даст невыразимости

слова?

Заговорите, сосны!

И сосна заговорила.

Я и есть сосна заговорившая вот эта.

Заговорившая, но все-таки сосна... сосна!

Сосна

И путаница ветов, бессмыслица звенящих трелей

птичьих

И это небо -

вот, что з н а ч и т "я".

Не дай Господь вдруг отделиться слову

От древнего значенья своего.

Я без сосны всего лишь звук пустой,

Так, скорлупа сухая без ядра.

О, сколько скорлупы самодовольной

вокруг!

А сосны над оврагом -

безмолвствуют.

И птицам не пробиться сквозь толщу слов,
Сквозь отверденья эти - внутрь, в жизнь...
О, птицы, птицы! Птицы!

Словам понравилось бряцать друг перед
другом и красоваться.
Не пора ли им замолкнуть?
Ведь даже и скромнейшие слова, прозрачные,
исполненные смысла,
И те - слова, а все слова -
сотрутся.
И будут только сосны над оврагом,
И путаница веток молодых,
И безымянность неба, безымянность
глубин последних.
Там, в глубинах, жизнь - безмолвствует...

Когда слова начнут стираться и путаться,
Я тихо прислонюсь к моей сосне,
К моей земле весенней
И - замолкну.
А ты заплачешь, решив, что нет меня,
И будешь
искать, и биться, и кричать, и звать.

Родной мой, милый, как мне жаль тебя
И как мне хочется тебя утешить...
Но почему ты не сумел тогда, еще тогда,
когда слова звучали,
В меня взглянуть сквозь все слова
До самых этих сосен над оврагом
И путаницы веток молодых?
Тогда бы больше не было разлук
для нас с тобой,
И ты бы узнал, что з н а ч и т

загадочное это слово - "смерть", -
Уход к своим корням и тайна встречи
с самим собой...

Не знаешь? Не можешь знать?..

Ну что же, плачь тогда.

Плачь, плачь еще, покуда не родится

Из плача песнь

И, может быть, она тебя введет к тем
соснам над оврагом,

И к путанице веток молодых,

И к птицам с их бессменным ликованьем...

X X X

X X X

Ликованье! Ликованье
Голосов весенних -
Это внутреннее знанье,
Внутреннее зренье.

Когда у сердца нет границ,
Все знание лучей и птиц,
Все знание ручьев и трав
Вливается в его состав.

Это - воздыманье вала
Через все пределы.
Жизнь сама себя познала
И - взхлеб запела.

И сердце вещее тогда,
Как будто вешняя вода,
Как тающее естество
Звенит про Бога своего.

X X X

Не спрашивайте - есть ли в мире Бог?
А только: есть ли я?

Я - промельк, пена?

Или мой жар сердечный мир прожог
и светом стал без тени и без тлена?
Кого спросить мне? Кто мне даст ответ
о нас самих? И чья это забота?
Если меня на самом деле нет,
что мне с того, что существует кто-то
другой... чужой... Он безразличен мне,
как я ему... Но если в глубине
моей живет незыблемое "Я",
то пусть ответит глубина моя...

X X X

Кушнеру*

Не нужен общий замысел? Ну, да,
Я тоже так считаю... Он не вправе
быть, тот, кто от участия, от труда
совместного с собою нас избавит.
Кто действует за нас, помимо нас;
тот, для кого мы - винтики и числа...
Но если Он есть тайна наших глаз,
Невычисленность мирового смысла,
Который исчисляется, пока
трепещет и пульсирует под кожей,
и без единственного волоска,
без тени этой обойтись не может?..

X X X

Остановись... И ты тогда заметишь,
как легкий лист задумчиво повис
на тонком черенке. Июльский ветер
чуть-чуть качнул его... Остановись...

Замри вот здесь... Ведь началась с начала
сейчас, с минуты этой жизнь твоя.
Есть лес и небо. Ничего не стало.
Есть только лес и облако... А я?

Не знаю, где я, но и знать не надо -
Все долгое свечение зари,
весь этот лес теперь не просто рядом,
я словно вижу это изнутри.

Вон из того мелькнувшего просвета,
из глубины, из сердца бытия -
Все то, что просквозило между веток,
и вздрагивает в каплях - это я...

X X X

А я и есть сосна.

Сосна есть я.

Я это не однажды говорила.
Не мной душа кончается моя,
И не во мне моя таится сила.

И эта тайна до того проста,
что, кажется, ее и вовсе нету,
а есть лишь трепет легкого листа,
да шум сосны, да переливы света.

И все. А Бог?

А что такое Бог?

Да просто Тот, Кто разомкнул границы,
Кто уместиться сам в себе не смог,
Тот, Кто ни в ком не может уместиться.

Кто обладает миллионом глаз,
мильёном рук, планет и звезд и все же
Не может жить без каждого из нас,
Без нас с тобою обойтись не может.

И есть такой неведомый закон, -
небесный счет несчитанных усилий:
Мы умираем, чтоб не умер Он.
А Он бессмертен, чтобы все мы жили.

Х Х Х

Как точен счет, как вывод строг
неумолимого закона:
Нужна не часть, а целый Бог,
чтоб дуб один расправил крону.

Чтоб до лилово-сизых туч
вершина темная достала,
чтоб стал он, словно Зевс, могуч,
нужна не часть. Тут части мало.

Не часть, а все. Бог нужен весь,
чтоб взмыла ввысь одна лишь птица.
В единый миг сейчас и здесь
должна вся вечность уместиться.

Всё, что ни сделаешь, кроша
на части мир, всегда некстати.
Чтоб родилась одна душа,
Всего Себя вложил Создатель.

И потому при слове "Бог",
при первых же раскатах Слова,-
Дух собран весь, Дух всё возмог,
всего себя отдать готовый.

X X X

- А после-то, а после что ж?
- А после - лес, а после - дождь,
а после - ветер и река,
а после - эти облака.

Как ночь приходит после дня,
так вам - мой дух после меня.
Весь запах трав, весь птичий гам,
все небо я оставляю вам.

- Но это было здесь всегда...
была земля, была вода,
был ветер, дождь, листва и свет -
все это вечно было.

- Нет.

И океан был прежде сух.
И прежде сосен был их дух.
И много прежде бытия
земли и неба было "Я".

X X X

Нет, я от вас не уйду, друзья,
Но вы есть вы, а сосны — это я.

Да, вы есть вы и твердою стеной
вы каждый миг разделены со мной.

А целый лес, все небо — это я.
Перегородок нет у бытия.

И если ни береза, ни сосна
со мной не может быть разделена,

так неужели всем открытый Бог
меж нами станет воздвигать порог?

Но если Бог от сердца отделен,
то я не я и Он не Он.

X X X

А вы забудьте обо мне,
Не думайте, не надо...
Мелькнула птица в вышине,
Пустых пространств прохлада...

Зачем вам я? Остался бор,
Задымленные горы
И непостижный тот раствор
Всей радости, который

Зовется речкой... и травой,

И лесом... Сохраните
Блеск неба, запах влажных хвой
И тоненькие нити

Берез. Луча косога вздрог
В скрещеньи черных веток...
А сердце... Сердце лишь пучок
Из трав, земли и света.

И невозвратных нет потерь -
Миры остались с вами.
Пучок распался? Что ж, теперь
Его свяжите сами.

X . X X

Качнулся лист сырого клена
и тихо дождь зашелестел.
Душа живет иным законом,
Обратным всем законам тел.

В ней нет земного тяготенья
И страха перед полной тьмой.
Ей все потери - возвращенья
Издалека к себе самой.

О, эти тихие возвраты!
Листы летят, в глазах рябя...
И все обрывы, все утраты
Есть обретение себя...

Прийти в себя, чтоб в тишине
Сам Бог приблизился ко мне,
Чтоб отражение Его.
Взошло из сердца моего.

Прийти в себя, чтобы стеной
Никто не встал меж Ним и мной,
Чтобы на глади бытия
Взошло нетронутое "я".
Не раздробляясь, не рябя...
Как высь в моря, прийти в себя...

X X X

Бог не терпит других.
Он один навсегда.
Вся безмерность - Его.
Тихо небо качает морская вода.
Никого.

Оглянись - лиловатые дали чисты,
Берег - тих.
Всё, что видишь и слышишь вокруг - это ты,
Нет других.

И затихла, как разом прервавшийся спор,
боль твоя.
Не дробится душа, не раздроблен простор -
ты есть я.

Мы не два, а одно. Ты есть я, я есть он.
Как ясны зеркала!
И та гладь, что разбилась в начале времен,
вновь цела!

Х Х Х

Что значит счастье? Счастье – это
не я. – Исчезновение "я".

Совсем чиста душа моя,
совсем порожняя посуда,
в которую втекает чудо
из половодья бытия.

"Не я, не я", а только это
живое половодье света,
наплыв преточного огня.

Есть только он, и нет меня!

Вопросы? Но к чему вопросы,
когда костер души разбросан
по всем мирам, и угольки
его то здесь, то в поднебесьи, –
то звездной россыпью, то смесью
лесов весенних и реки!..

О, этот ветер неж мирами,
раздувший маленькое пламя
души за страны, за края!
великий ветер благодатный –
мой дух... Так этот необъятный
и вездесущий – это я?!

X X X

Я емь орган. Но органист не я.
Во мне волна Его святого хмеля.
И тот разрушит песню бытия,
кто нас смешает или нас разделит.

По клавишам бесчисленным скользю,
Он трогает мои живые раны.
Я емь орган, но мне самой нельзя
дотронуться до тайных труб органа.

Я емь орган. Но лишь Создатель мой,
вдохнув свой дух, играет на органе.
Я - глубь и тайна для себя самой.
Я оживаю от Его касаний.

Вот Он пришел - предвечный органист.
О, этот свет, вонзенный в темень ночи!
Да будет звук мой первозданно чист,
чтоб передать все то, что Он захочет.

Где враг, где друг? Есть только Ты и я.
Во мне волна божественного хмеля.
И тот разрушит песню бытия,
кто нас смешает или нас разделит.

X X X

Бог кричал.

В воздухе плыли

Звуки страшней, чем в тяжелом сне. -

Бога ударили по тонкой жиле,

По руке или даже по глазу -

по мне.

А кто-то вышел, ветрам открытый,

В мир, точно в судный зал,

Чтобы сказать Ему: Ты инквизитор!

Не слыша, что Бог кричал.

Он выл с искаженным от боли ликом,

В муке смертельной сник.

Где нам расслышать за нашим криком

Бога

живого

крик?

Нет. Он не миф и не житель эфира, -

Явный, как вал, как гром, -

Вечно стучащее сердце мира,

То, что живет - во всем.

Он всемогущ.

Он болезнь оборет, -

Вызволит из огня

Душу мою, или взыв от боли,

Он отсечет меня.

Пусть.

Лишь бы Сам, лишь бы смысл Вселенной

Бредя, не сник в жару...

Нет! Никогда не умрет нетленный -

я

за Него

умру.

X X X

О нет, душа моя. - не я,
Душа моя - совсем иное,
не то листва, не то струя,
не то пронизанное мною
пространство, легкое, как сон,
где ни пространств и ни времен.

Как липа, - ветки наклона,
так, как закат в свои объятия, -
она вбирает всю меня,
А я не в силах - рук не хватит.

Мое блаженное бессилье,
когда в томлении по ней,
бессмертной - по душе своей,
себе отрицаваю крылья...

Не то листва, не то струя...
Не то, не та - опять иная...
И знает столько, сколько я
за сотню жизней не узнаю.

Ни знаний у меня, ни прав.
Но как хотела б в ней пропасть я,
и, все на свете потеряв,
найти единственное счастье:

тот аромат, тот звук, тот свет, -
нет, новое - не то - иное:
любовь, в которой больше нет
различий между ней и мною.

X X X

Невнятность...

То, чему не внимлет

Ум. - Не вмещенное в уме.

Что топит образ, топит землю

И в тьму идет, и длится в тьме.

Взор погашающее пламя,

Тот свет, в котором так темно...

То, что включает нас, а нами

Не может быть заключено

В черты. О, радость страстотерпца,

Того, кто вычеркнут и стерт!

Струной трепещущее сердце,

Входящее в такой аккорд!..

X X X

Увековечено мгновенье. -
Прорыв к последней высоте.
И скал взлетевших откровенье
есть откровенье обо мне.

И если здесь одна стихия
и бездуховен гребень сей,
и эти линии святые -
нагромождение камней,

а не следы великой тайны,
не Духа режущего след;
и все бездушно и случайно, -
то и в сем теле Духа нет.

Но если Карадаг изваян
резцом из сокровенной мглы,
то каждая скала - живая,
а я - лицо и мысль скалы.

X X X

И нам вовеки не понять
ни высших замыслов, ни целей...
И вновь приходит благодать,
как только мысли присмирели.

И вновь приходит тишина,
как вздох глубокий, без причины,
И зелень леса пронзена
огнем зардевшейся рябины.

Как будто мы вошли в костёр,
и в нём горим и не сгораем.
И края нет – сплошной простор,
и мы уже за нашим краем.

Как бы завеса вдруг снята –
открылось самое святое:
не просто рядом красота, –
мы сами стали красотой.

Такой в душе у нас прибой
любви, такое бескорыстье!..
И кто отделит нас с тобой
от этих чуть дрожащих листьев?

И кто придумал, кто сказал,
что я не лист, не ствол, не птица?
И потому бежит слеза,
что нам в себе не уместиться...

х х х

Мы призваны объять себя.
В сердечной тьме и тьме надзвездной
почуять внутреннюю бездну,
И; Дух на части не дробя,
расправив грудь, остановиться
у неожиданной границы.

Черта. Здесь внешний человек
кончается. Окончен бег
от самого себя. И вдруг
сомкнулась бесконечность в круг.

После 2-ой симфонии Шнитке.

Шум моря.
Шум Неведомого.
Мрак
еще не появившегося дня.
Шум шири.
Шепот.
Шелестенье.
Шаг
Не отступающего от меня.

Надвинувшийся в пустоте самум.
Обрыв пути. Дыханья перерыв.
Домирный хаос, довременный шум –
вздох вечности, сдувающей миры.

Сейчас...
Сейчас
Грядущий – рядом.

Вот

Он появился. Он пришел.

Аминь!

Все, канувшее в никуда -

грядет

и неотступно требует:

прими!

Все стены - навзничь!

Все дома - малы!

Для этих звуков не родились уши.

И падают гигантские валы,

как капли жизни на сухую душу.

Грозами раздвигается покой

до всех и все вмещающего круга.

я - только глина под Твоей рукой.

я - лишь земля, раздвинутая плугом.

Со всех небес и с мирового дна

Ты собираешь капли и частицы.

О, Боже мой, как я Тебе нужна!

Как смела я хотя б на миг укрыться?!..

X X X

Все дальше, дальше... Так далече...

Так отрешен вечерний свет!..

И вот, все сердце занял вечер,

и от него спасенья нет.

И тянется от самых окон

такая бездна бытия,

что остается сбросить кокон

и вдруг понять, что Я - не я.

Х Х Х

Есть чувство "Я". Оно встает,
как солнце из бескрайних вод.
Из океана бытия -
Мое немерянное "Я".

Ты - только ты. Он - только он.
А этот колокольный звон,
А этот световой набат
сзывает внутрь всех подряд.

Врывается в земную грудь
неумолкающее "Будь!",
Огонь негаснущей зари,
всходящей только изнутри.

БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ

I

Мы не кончаемся в пространстве,
как и во времени.
Есть что-то,
что, начинаясь в этой точке "я",
уходит постепенно в бесконечность.

Мы продолжаемся, как длится звук
и свет, - великой трепетной волною -
волна к волне и - новая волна.

Душа, как звук и свет. Но волны Духа
стократ неуловимей и бесплотней,

и только на какое-то мгновение
сгущаются вот в этот плотный ком.
Так, как бутон, что должен развернуться
и, источая тонкий аромат,
проникнуть в даль, и в высь, и внутрь
куда-то...

О, нет, мы не кончаемся в пространстве,
как и во времени!
Само пространство
и время - это только переход
в еще не представимое "куда-то",
которое звучит, как "никуда".

Ничто, что временно и постижимо,
туда не входит.
Но ведь мы идем...
Идем...
И, начинаясь в этой точке "я",
уходим постепенно в Бесконечность.

2

"Я" исчезает, как исчезла точка
на линии, на плоскости, в пространстве,
которое растет из этой точки
так, как росток из семени.
Я - семя. Мы - семена неведомо чего...
Кто нас забросил в этот непонятный
мир, точно в землю темную,
и ждет
грядущих всходов?
Кто Ты - незнакомый,
но более родной, чем вся земля?

Кто Ты, непостижимый и любимый
до помраченья разума, до боли
немыслимой, до муки на кресте...

Кто Ты,
неотделимый от меня, как собственное
сердце?

Кто же Ты?

3

Что значит слово "Бог"?

Лишь только знак того, что больше
и дальше нас.

Но через нас проходит,
включает нас в Себя
и весь наш смысл
хранит в Себе.

Само же слово есть только знак,
не более того...

Не дай нам Бог вдруг спутать знак
со смыслом!

Мы тогда

лишимся смысла,
и Бога умалим и низведем
до нас самих.

Зачем же мы низводим?

Затем, что не желаем восходить.

Да, восходить, - восходить из этой точки
и становиться целостным простором.

О, как же нас пугает тот простор,
который нам обещан,
тот простор, к которому мы призваны,
который
и есть Сам Бог!..

Пространство бытия – пространство духа,
таинственная связь всего со всем
и каждого отдельного с Всецелым, –
та непомерность, бесконечность наша,
которая клокочет там, в груди
непостижимым валом ликования,
смывающим в единый миг всю боль!

Нет Бога, если нету погруженья
в Простор
и выхода из самого себя!
Нет Бога, если семя не взошло,
не вырвалось из плотности земной
туда, где все – одна волна и ветер!
О, эта океанская волна!
Огромное пространство небосвода
и запах жизни, хлынувший мне в грудь!

Так почему мы так дрожим тогда
над этим жарким маленьким комочком,
над этим тесным узелком всех связей,
над этой крупинкой бытия?

Вот так дрожим, как будто если вдруг
ее не станет, – в тот же самый миг,
все небо распадется на куски,
которые бессмысленно повиснут...

И каждая морщинка на щеке
твоей любимой – это нож по сердцу
и тайная мольба: повремени...

вся жизнь моя сейчас - в морщинке этой...
Повремени!..

И эти слезы... слезы...

Пускай они текут.

Слеза и есть волна того немого Океана,
в который Бог мне повелел войти.

И я вхожу. А почва из-под ног
уходит.

Я больше не надеюсь и не верю.

Надежда, вера - перед мукой этой -
ничто.

И я вхожу в Н И Ч Т О.

И я кричу: зачем меня оставил?!

И мне одно молчание в ответ.

Один немой великий Океан...

О, океан, принесший мне тебя!

О, океан, пришедший за тобой...

О, эта океанская волна!

Она сейчас в груди моей бушует.

Она - любовь, любовь, любовь моя!

Люблю тебя и этот океан.

Тебя и даль,

Тебя и Бесконечность,

лишь на мгновение ставшую тобой,

чтобы позвать в незримое "куда-то".

Иду... Иду... Иду на этот зов.

Любовь моя размыла все пределы.

Передо мною - только Океан,

огромное пространство небосвода

и запах жизни, хлынувший мне в грудь!

МЕДЛЕННЫЙ ДУХОВНЫЙ ТРУД

Х Х Х

Внезапным веером раскрывшиеся скалы, -
Со всех сторон, со всех небес вокруг -
тысячекрылый, всеобъяввший Дух -
и я стою перед своим началом.

Начало мира и его итог.
Внутри, в сердце возвратились все потери.
И можно сердцем собственным измерить,
как мир велик, как совершенен Бог.

Еще ступень над каменной ступенью,
еще одна и - больше ничего.
Вдруг выпасть из того круговращения,
которому название естество.

Вначале дух. И лишь потом причина
судьбы и смерти. Луч в горах потух,
зайдя мне в грудь. Остановить лавину
ползущей вниз тяжелой вязкой глины
способен только Дух!

Вначале - Дух!

Х Х Х

А мне порою смутно снится,
что эту плоть, где Дух гнездится,
душа сама свила, как птица
гнездо, и задремала в нем.
Да, задремала и забыла,
как с нервом нерв и жилу с жилой
сплетала, тихо ворожила,
устраивая хрупкий дом.

О, сколько жара, сколько света
понадобилось ей на это!
Как был стремителен и крут
ее полет! Какая сила
сгущалась в ней!.. И вот забыла,
что значит Дух тысячекрылый
и медленный духовный труд.

X X X

Когда б мы досмотрели до конца
один лишь миг всей пристальностью взгляда,
то нам другого было бы не надо,
и свет вовек бы не сходил с лица.

Когда б в какой-то уголок земли
вгляделись мы до сущности небесной,
то мертвые сумели бы воскреснуть,
а мы б совсем не умирать могли.

И дух собраться до конца готов,
вот-вот... сейчас...

но нам до откровенья
не достает последнего мгновенья,
и - громоздится череда веков.

X X X

Вот он звучит, - тишайший в мире рог -
беззвучный гром, что мира не нарушив,
вдруг отзывает ото всех дорог,
из тела вон выманивает душу.

Когда сей гром, сей рог тебя настиг,
он протрубил: "Готовься к предстоянью!
Сейчас наступит вожделенный миг -
века обетованного свиданья!"

Сейчас... сей-час... все глубже... внутрь. В упор.
И - собран дух. Аз есмь! И вот тогда-то
выходишь ты в торжественный простор,
в великую расправленность заката.

И тянутся объятия зари,
И в этом нескончаемом полете –
единый возглас: Господи, бери!
О, убыль мира! Истонченье плоти!..

И Он тебя воистину берет,
Тот, кто насущней воздуха и хлеба
И длится нисхождение высот,
земле на грудь приникнувшее небо...

И после полной близости, такой
пронзительно мгновенной и бессрочной
приходит тот прозрачный покой,
который люди называют ночью.

Хрустальный час. Он бережно принес
желанный отдых. В тишине высокой
дрожат крупинки благодарных слез,
непролитых из замершего ока.

Х Х Х

Звезды глядят из немыслимой дали.
Звезды в такую пустыню позвали!
Но если глаз немигающий пьет
этот прозрачный серебряный лед, –
прямо в сердца, словно в теплые гнезда,
с неба слетят одинокие звезды...

X X X

Такая даль
Меж всеми нами!...
Такая даль,
Которую слова
Перелететь не могут.
Как крыльями ни машут,
Как ни рвутся, -
Все та же даль маячит впереди.
Кричать?
Зачем?
Куда?
К кому?
А может быть, когда-то
Вселенная вот так же разбежалась
На тысячи, на мириады звезд,
И каждая повисла одиноко
Не в силах дотянуться до другой...

И превратилась Вечность
В безликое, безмерное Пространство,
И Время, не имущее конца...
Как будто кто-то
Вдруг выворотил Вечность наизнанку
Во вне себя...
Кричать?
.....
Но разве звезды
кричат друг другу?
Нет. Они тихи.
И дело их -
Светиться сквозь молчанье
И тайное единство возвещать...

С какой любовью мир творится!
Тварь божья... Как ни назови -
трава, деревья, зверь и птица -
мы все родимся из любви.

Как точно к цвету цвет подобран,
так, как моя душа к твоей...
Как терпеливо, как подробно
сплетается узор ветвей!

Как бы трепещущая фраза
из слов таинственных... и вот,
минуя мысль, минуя разум,
от сердца к сердцу весть идет.

Все та же. В мире все не ново.
Но вечно предстает глазам
Все та же красота, как слово,
как знак любви, не видной нам.

И кто сумеет хоть однажды
постичь всю эту красоту,
тот чувствует, что вздох наш каждый
и каждый волос на счету.

И появляется свобода,
с которой всякий труд - не труд,
с которой шествуют по водам
и на распятие идут.

И в пустоте уже не пусто,
и воскресенье во плоти
приходит, как шестое чувство,
как продолжение тех пяти...

И если есть еще тревога,
она о том, как бы во сне
и в мыслях не обидеть Бога,
предавшегося в руки мне.

X X X

Ничего не делаю,
Так вот и живу.
Облаками белыми,
Врывшись в синеву.

И о чем тревожиться
Раз шумит листва?
Мысли сами сложатся
В нужные слова.

Ничего не помню я,
Так вот и расту.
Соснами огромными,
Меря высоту.

Все узлы распущены
Шум в уме умолк.
Не мешать Грядущему—
Вот и весь мой долг.

Знаю — все вернется,
Как весной листы.
И о чем заботиться,
Если в сердце — Ты?

Благодать ниспослана
Только и следи —
Хорошо ли Господу
У тебя в груди?..

ТРИПТИХ

1

Стихи... Они родятся из земли
души моей. Из этих неподвижных
пластов, где Бог хозяин. Бог созиждет.
А я - в пыли.

А я нема, безропотно темна,
как чернозема поднятая груда,
покорно принимаю семена,
не спрашивая: "для чего?", "откуда?"

Какой порыв, какой реки поток
занес его? Он вечен иль мгновенен?
Но каждый всход мой, каждый мой росток
и для меня таинственно священен.

Я знаю лишь зачатъя благодать
и тяжесть вызревания событий.
И что еще я вам могу сказать?
Бессильное мое "не растопчите!"

2

Покорной Богу быть... покорной этой
Бездонности, склонившейся ко мне,
покорной звуку и покорной свету,
покорной светоносной тишине.
Любви покорной... Миг зачатъя...
Вот так склонилась Богоматерь.

3

Мой Боже, Бог мой... Из моих берез,
дождя, травы и звона дальней птицы

в меня вошел и из меня пророс.
Нельзя иначе Богу появиться

здесь на земле. Есть место лишь одно:
внутри меня. И в радости, и в муке
вот это сердце выносить должно
Тебя, и вынянчить – вот эти руки.

Мой Бог – мой сын. И тварь Твоя и мать.
О, Господи, сумею ли так много?!
Зачать, родить и, вырастив, отдать
Тебя во тьму, чтоб Бог вернулся к Богу!

X X X

Ты мне не должен ничего.
Ведь Ты – смысл сердца моего.
Ты есть, так значит одарил
меня сверх меры и сверх сил.

И если я живу любя,
то мучусь не из-за Тебя,
а за Тебя. Как может мать
страданье за ребенка взять,
так я – стена Твоя и щит,
ведь ты внутри меня укрыт.
И кто промолвит о вине,
Тебя противопоставив мне?

И кто ответчик, кто истец?
Есть два лица, – нет двух сердец.
Судиться с Богом выходил
лишь кто Богом не любил.

X X X

Нужна ли я лесам? Нужна ли я
великой неизбывной этой жизни?
Нужна ли я Тебе, мой молчаливый,
высокий, уводящий вглубь и вдаль,
возлюбленный?

Ему не нужен никто,
ничто. - Воистину свободным
ни в ком нет нужды. Но лишь он один и волен
всех отпускать на волю, всем дарить
свободу.

А любить умеет лишь свободный, - только тот,
кому ни в ком нет нужды.

Я не нужна Тебе. Ты проживешь и без меня.
Но, может быть, весь смысл Твой только в том,
чтоб я была на свете.

И что же есть вся глубина лесная
и запах, запах!.. - Весь дух Твой, изливаемый в меня,
как не любовь? - Любовь! Любовь! Какая
любовь!

Ты сам и есть Любовь. И ждешь, чтобы я
самой любовью стала.

Но что же, что же кроме
любви еще осталось от меня?

X X X

О лес,
Мой лес, запутанность лесная!
Извивы троп, и веток, и корней...
У леса и души один хозяин,
Но только лес покорней и мудрей.

Не спрашивают тихие растенья,
И ты, душа, не спрашивай, замри,
Чтоб услышать неслышное движенье,
Чтоб распознать течение внутри,
В сосне, и в травах, и во всем, что рядом...
ты ищешь путь? Известны все пути
Покорным соснам, и одно лишь надо:
Прислушаться, чтоб с ними в лад идти.

О эта твердость, эта прямизна
Стволов великих... Но еще дороже
Душе одна склоненная сосна,
Почти повисшая... Уколом в сердце: -Кто же,
Кто поддержал тебя, сестра-сосна?
Сестра Земля, сестра Луна?..

X X X

И душу мне обволокнет
шуршащий дождь... И, крылья свесив,
душа, остановив полет,
притихшей птицею нырнет
в гнездо еще не слышных песен.

И будет ждать... Чего же ждать?
Да, вот, наверное, того же,
чего и травы... Кто поможет
им прорасти? Вот так и мать,
носящая ребенка в чреве,
ждет неподвижно... Что в напеве
грядущем выльется? Бог весть...
Нет ничего... Но что-то есть...

X X X

Царство Его
не от мира сего.
Сила Его
не от мира сего.

З д е с ь - Ему воздух скупо отпущен.
Нет, не всесильный, не всемогущий.
З д е с ь - задыханья едкая гарь.
З д е с ь Он не царь.

Кто же Он?
Путь, уводящий отсюда.
Не чудотворец - высшее Чудо,
выход в мою и твою высоту,

насквозь пробитый, прибитый к кресту.
Тот, Кто безропотно вынести смог
тяжесть земли, -
наш неведомый Бог.

Назван. Описан. И снова неведом.
Только тому, кто пройдет Его следом,
снова предстанет среди пустоты:
- Видишь? Вот Я.
- Вижу. Вот Ты.

Х Х Х

Хоры ангелов – это небесная тишь,
Это шелесты думы Господней.
Ты со мной говоришь.
Ты со мной говоришь! –
Вот и все, что я слышу сегодня.

Как же мне передать речь немую Твою –
Из незнания растущее знание?
Чем я чую Тебя? Чем Тебя узнаю? –
Ликованьем, одним ликованьем!

х х х

Так наступает царство Духа:
Последний свет хранит вода.
Твердыня стала легче пуха,
А нежность как гора тверда.

В ней есть такое средоточье,
Такой густеющий настой,
Что можно увидеть воочью,
Почти пощупать Дух Святой.

Открылись внутренние двери,
Там, на последней глубине,
Я верю, Господи, я верю! -
Ты дашь мне все, что нужно мне.

Помедли с наступленьем мрака!
Побудь еще! - Еще - зари!
И, если надо Исаака -
Тебе, то, Господи, - бери!

Вот Исаак мой онемелый,
Вот он глядит, едва дыша, -
Мое измученное тело,
Моя продрогшая душа...

С т е л л е

Ты ушла, а я слежу еще,
Как качнулись в небе ветки сосен
и шуршащим золотым плащом
Мягко землю покрывает осень.

Ты уже за страшною чертой,
Ну, а я с разжатыми руками
Сквозь узор березы золотой
В пустоте слежу за облаками.

И какой-то странный разговор
Могут звезды смолкшие подслушать
В час, когда мерцающий костер
Воедино собирает душу.

О, душа ожившая моя,
Ты уже невидимо иная,
Будто с кем-то повстречалась я,
Только с кем, - сама еще не знаю.

Будто всех морей ночная гладь,
Всех лесов шуршанье и дремота
Мне велят недвижимо молчать
И глядеть в неизвестное что-то.

Неужели оборвалась связь?
Нет моста... утерянное братство?
Ты ушла. Меня не дождалась,
Ну, а я должна тебя дождаться.

X X X

Лес редееет. Золото в зеленом.
И, листья бывшего вороша,
Как береза с пожелтевшим кленом,
медленно живет моя душа.

Тихое качанье листопада
И дождя прерывистая нить...
Может вам еще чего-то надо.
А с меня довольно только быть...

Этот тихий шелест сердобольный,
Долгий шорох падающих слез...
И с меня на целый день довольно
Мерного качания берез.

Плачущая, ласковая осень,
Точно мать замолкшая моя...
И куда она меня уносит,
Из листов желтеющих ладья?

Может, в край, где найдены потери
И где все умершие живут?
Только б мне никто часов не мерил,
Не считал и не жалел минут...

Я дорог своих не выбираю,
Как себе не выберешь лица.
Нет у неба ни конца, ни края.
У души - ни края, ни конца.

X X X

Под укрытьем дождя, под прикрытием мглы
крылья духа, как веки пространств, тяжелы.
Будто сузилась даль, превратясь в глубину.
Душу тянет в себя, будто клонит ко сну,
будто кто-то горячего сердца комок
в небеса спеленал, тишиной обволокл...

X X X

Есть тишина, которая сама
в нас действует. И ничего не надо
нам, кроме слуха чуткого и взгляда.
Лишь только умаление ума
и разрастанье сердца. Мир впервые
рождается и входит в грудь одну.
У ног Христа сидела так Мария,
чтоб слушать не слова, а тишину.

Ах, Марфа, Марфа, погоди немного -
накормит Бог, и ты накормишь Бога...

X X X

Бог высоко. Бог очень высоко.
Нет ни равенства с Ним и ни братства.
Пик, открывшийся нашему оку.
К Богу можно подняться.

Как по горному склону крутому,
по земным и небесным ступеням.
Счастье жизни есть счастье подъема,
беспрестанный восторг возвышенья.

Х Х Х

Из инобытия... из теми...
из тесноты передо мной
незримо вырастает Время,
развертываясь, как весной
из почки лист.

О, как нам труден
наш первый шаг, наш робкий свет!..
Бог е с т ь, но Он ещё лишь б у д е т...
Бог есть. И всё же - Бога нет.

Мир не родился. Он сегодня
рождается. О, как же нам
увидеть скрытый лик господний?
Ведь Он ещё ни здесь, ни там...

Из инобытия, из теми...
Кто угадал, кто досмотрел,
кто внутрь себя вместил всё время, -
тот знает времени предел.

Оно должно остановиться,
свершив свой полный разворот.
И вот тогда-то мир родится. -
Бог станет зримым. Он придет.

X X X

Как в зеркале полуовальном,
в заливе с далекой границей.
Все знают, что море зеркально,
но кто в нем сумел отразиться?

Лишь горы над зеркалом стыннут
веками. Но медлит Владыка,
и гладь остается пустынной
и ждет нерожденного Лица.

X X X

Моя работа - жизнь моя -
вниманье сердца, слух и зренья
и медленное приближенье
к первоистоку бытия..

Случайный шорох уловить
и вздрогнуть - ветка прошумела:
души оборванную нить
мне надо снова сделать целой.

И аромат, как тайный зов
донёсся. - Просьба: Бога ради
разорванную связь миров
хотя б на миг один наладить.

Моя работа - жизнь моя...
Трудна ли, нет ли, -Бог поможет.
А если отдыхаю я,
то, верно, и от жизни тоже.

Да, Бог поможет... Мне одной
не справиться. О, если б кто-то
умел всегда делить со мной
всю повседневную работу!

X X X

Во мне дозревают цвета и просторы
до той полноты, до предела, который
так близок... Но время всё длится и длится,
пока не дозреют все смыслы и лица,
И долгого света вино золотое
не станет бессмертья прозрачным настоем.

★

МОЛИТВА - ЭТО РОСТ

X X X

Ни идей, ни спорящих – ни слова.
Все осталось где-то за чертой.
Только волны шороха лесного,
только это полное Ничто.

Я – ничто. О, Господи, как много
Ты даешь! Как щедро мерить Ты!
Мера счастья – это чувство Бога,
чувство роста, чувство высоты.

Полная таинственная мера...
Сесть в лесу, замолкнуть у костра...
Лишь зерно чуть видимое веры,
и – меня послушает гора.

Лишь зерно... Пустяк, простое дело.
Но – ничто, и нет ещё зерна.
Чтоб зерно горчичное созрело,
я до Бога дорасти должна.

Этот рост... От смерти к воскресенью –
от "ничто" и до Вселенной всей –
Рост деревьев, рост листвы весенней,
рост души замолкнувшей моей...

X X X

Я шла сюда с мученьем и тоской,
Боле́л висок.
А мир молчал. И был такой покой!
Лес был высок.

Вплетался шелест листьев в темноту, -
Касаний шелк,
И сердце набирало высоту,
А ум замолк.

Всю высоту сосны, дубов, берез
Впивал мой глаз,
И Бог, войдя, в пространстве сердца рос
Весь долгий час.

X X X

Вот оно - знакомый наизусть
мягкий плеск, залитый серебром...
- Ничего... И я ему молюсь
Ни о чем.
Ни на небе и ни на воде,
ни в далекой линии огня -
ничего, разлитое везде,
ничего, входящее в меня.

И без слова, без конца, без сна,
с сердцем, точно растворенный дом,
я молюсь, как тихая сосна,
Ни о чем.

Х Х Х

Утоли моя печали...
Тихий свет, тропа долга,
ветки леса увенчали
невесомые снега.
Дуб, как ворон белокрылый,
преградил мне путь сугроб.
Небо тихо положило
руку лёгкую на лоб.
Боль уходит. Нежность длится.
Пальцы чуткие нежны.
В леса спутанных ресницах -
золотой зрачок Луны.

Х Х Х

А за окошком - осень. За окном, -
за мыслями, за болью, за делами -
стоит береза в платье золотом,
и бьёт в глаза рябиновое пламя.

Да, сразу за тревогой, за тоской, -
здесь у предела этой жизни куцей
стоит огромный неземной покой.
И стоит на мгновенье оглянуться,
и ты увидишь, - сколько нам дано!
А требуется с сердца так немножко...
Молитва наша - тоже ведь окно. -
Вот подойти и поглядеть в окошко...

ТРИПТИХ

1

Тебе молюсь... Так значит так люблю,
Что о себе уже совсем забыла.
Врастает сердце в красоту Твою,
И молча внутрь Твою вбирает силу...

Тебе молюсь... Так значит найден ключ
К воротам царства... Рядом жизнь иная.
Что хочешь делай, - отлучи, измучь, -
Я о себе уже совсем не знаю...

Тебе молюсь. Извне устремлены
Все силы внутрь, в тишайшие хоромы,
И проросли, и зацветают сны,
И стала плоть прозрачно-невесомой.

Как мир возник? Пока молилась я,
Дух одевался световой тканью,
И заплетались нити бытия,
В цветной витраж, в собора очертанья...

II

Что хочешь делай, отлучи, измучь, -
Я, кажется, не ощущаю тела.
Так мир звенит! Такой звенящий луч,
Что все сверкнуло, ожило, взлетело!

И так легко, как будто нежный пух
Дан вместо прежней, вместо тяжелой плоти.
На крыльях ветра... Вот что значит

"Дух" -

Жизнь без себя, без веса - жизнь в полете.

Вся жизнь - любовь! Дыханье высоты
И эта легкость, эта весть из рая!
Что хочешь делай, - есть лишь только Ты.
Я о себе уже совсем не знаю...

III

Я о себе уже совсем не знаю.
Надежды нет и умирает страх.
В небытии зияет щель сквозная.
Я меньше всех, я - ничего, я - прах.

Что хочешь делай, мне себя не надо.
Пусть будет пусто - версты чистоты.
Не стою слова и не стою взгляда,
Я хуже всех, - но совершенен Ты.

Меня любить? Мой Боже, эту глину?
Но тот, кто взглянет в сей провал сквозной,
В Тебя - мою живую сердцевину, -
О, как же он обвинится со мной!

X X X

Невозможному поверьте!
Только Дух оборет прах.
Дух, - живой в середине смерти
И ликующий в скорбях.

Дух, мелькнувший птицей белой,
Звоном, таяньем, весной;
Тот, Которому нет дела
До всей тяжести земной!

Сквозь и над - всегда в полете, -
Ни замкнуть, ни обороть, -
Дух, противящийся плоти
И живящий нашу плоть.

Легкость давящего груза,
Свет в кромешной темноте.
Радость - в боли, воля - в узах,
Выход даже на кресте.

Зорче зренья, чутче слуха
У бездонности на дне...
Помолись Святому Духу
О себе и обо мне.

х х х

Остановись. Замолкни. Не желай
и не тоскуй. В ответ на боль и жажду
огромный свет пролился через край
оттуда, с неба, к каждому и каждой.

О, погоди... Не видишь? Облака
раздвинулись, разлились, просияли, -
и ты - в объятьях каждого цветка
и каждой ветки, врезавшейся в дали.

Не вырывайся... Господи, прости
за эту боль, за недоверье это...
Я, как птенец замерзнувший, в горсти
Твоей - в объятьях меркнувшего света.

Погрей еще... еще... не отпускай.
Коснись всего. Сойди на эти лица...
О, развернись, пролейся через край!
Ну вот и все. Мне не о чем молиться.

Х Х Х

Еще чуть-чуть... Еще немного
Молчанья - и, гора моя,
Ты возведешь меня до Бога,
До полногласья бытия.

Волны беззвучной нарастанье...
Сейчас дойду до той черты,
Где постигают смысл страданья
И тайну Божьей правоты.

И вот в лицо мое земное
Она уже глядит в упор, -
Она стоит передо мною
Непререкаемостью гор.

Х Х Х

Когда душа взывает к Богу,
В простор распахнуто окно.
Нет цели - есть одна Дорога
или - мой путь и цель - одно.

Самое великое взыванье
И есть тот сокровенный рост, -
Охваченное расстоянье
С земли до самых дальних звезд.

И точно неба купол цельный,
Как моря грянувший прибой,
Вопрос с ответом нераздельны
И дух един с самим собой.

Х Х Х

Как будто душу мне промыл
немой поток господних слез.
А дождь все лил, и лил, и лил,
а ствол все рос, и рос, и рос....

И в совершенной тишине
стал слышен, как беззвучный гром,
вот Тот, Кто там внутри во мне,
вот Тот, Кто там во всех и всем.

И жизнь - не место и не срок,
как я - не тело и не речь. -
Душа вошла в сплошной поток,
и вечность будет течь и течь.

Вот точно так же, как теперь, -
вся тишина - ее прибой...
И ты не верь, не верь, не верь,
что мы расстанемся с тобой.

Х Х Х

Туда, откуда дерево растет,
туда, откуда возрастает семя,
туда, где начинается свой полет
беззвучное невидимое время,
туда, где собирается Любовь
всецелая, как полный круг небесный;
туда, где мир кончается, чтоб вновь
вот в этой точке вздрогнуть и воскреснуть.

X X X

Был плеск воды, как звук молитв.
И слышался единый ритм.
Единый ритм, единый ход,
которым вечно дух идет.
И строился незримый мост
со дна миров до дальних звезд.

А лес шуршал, а лес шумел
о том, что есть такой придел,
где ни земли и ни воды,
а только шорох и следы...

И в те приделы из земли
деревья медленно текли.
И путник ясно слышать мог
тот нескончаемый поток.

Здесь было тихо. Здесь к горам
прильнул и затаился храм.
Он, словно каменный фиал,
весь дух растекшийся собрал
в прохладной глубине своей
и жаждущим поднес: испей...

X X X

Вечерний свет, как медленная птица,
глядящий, осязаемый почти,
внутри сердца хочет тихо опуститься,
чтоб озарить его и вознести.

Как тихо там, как жарко в сердце стало!
Огромный свет, разлившийся везде,
нашел приют в комочке этом малом,
как бы в своем оставленном гнезде.

х х х

О, научи меня, сосна,
безмолвья!
Тысячелетия одна
на всхолмье.
Тысячелетия одна
на свете,
полна простора и полна
столетий.
И каждый миг свой ты хранишь,
Владыка.
Вот почему и стала тишь
великой.
Вот почему ветвей извив
случайный
остался, как иероглиф -
знак тайны.
Кто эти знаки прочитал
всем сердцем,
того научат камни скал
бессмертью.
Оно повиснет точно свод
над нами
И в сердцевине соберет
всю память.
Ведь нету дней у бытия
вчерашних.
Так научи, сосна моя,
бесстрашью.
Под воем ветра и в ночи
Без срока
своей молитве научи
Высокой...

X X X

Остановилась мысль моя -
Идет лавина Бытия.
И я должна пред Ней предстать
пустынной, точно неба гладь,
открытой, как немой простор,
что видится с вершины гор,
незащищенной, как Господь,
который отдал миру плоть.

X X X

Деревья творят постоянный молебен.
деревья возносятся к Богу всегда.
И каждому дереву внемлет на небе
Царица молчанья - живая звезда.

И так благовонно лесное дыханье,
и так неподвижно в сем храме стою...
Взгляни в мое сердце, Царица молчанья,
услышь. Всеблагая, молитву мою!..

X X X

Там, за заливом, были скалы,
а за моей спиной – холмы.
Как будто всей земли не стало
и прямо в море были мы.

Даль от предгорий до предгорий
простерлась, медленно дыша...
Бог знает, было это море
или сама моя душа.

Бог знает, это плеск прибоя
иль шепот дум в уме моем...
Так можно лишь с самим собой,
так можно лишь в себе самом.

Свет удлинялся постепенно
и вел в глубины бытия.
Был час молитвы сокровенной
молился мир, молилась я.

Молиться... Это по ступеням
невидимым внутри, в тиши
высь подниматься – Восхождение
к вершине собственной души.

И вот уже, как весть о чуде,
свет внутренний. И ореол
зари сквозь мглу... Подъем так труден!
Но если ты уже дошел!..

Молитва - это рост,
Молитва - это шаг.
Путь прост или не прост,
Должна идти душа.

Молитва - это путь,
Молитва - это рост
Из суетности в суть
И от земли до звезд.

X X X

Хлеб насущный даждь нам, Господи -
силы на сегодня!
Мы сюда на битву посланы, -
Воины Господни.

Не талант и не умение, -
что-то есть иное:
Каждый стих - мое сражение
с тяжестью земною.

Мой огонь под пеплом дремлющий.
Лишь ему - поверьте!
Каждый стих - победа немощи
над всесильем смерти.

Есть пути неисследимые
в очевидность чуда:
Каждый стих - прорыв в Незримое
и возврат оттуда.

ДО СМЕРТИ НАДО ДОРАСТИ

X X X

Маме

Нет тебя.

Ты не плоть и не кровь.

У обрыва миров стою.

Есть лишь только одна любовь,

Во всю грудь, во всю душу мою.

Тише, сердце, не суетись.

Не надейся, сердце мое.

Молча вглядываюсь в любовь,

Долго в малчиваюсь в нее.

Во всю душу, во всю мою грудь...

Нет тебя - побережья нет.

Ухожу в бездорожный путь,

В безграничность тебе вослед.

Ни подробности, ни черты.

Только тишь и душа моя.

Только знание, что это - ты

Близко... ближе ко мне, чем я...

X X X

До смерти надо дорасти.
Она как со скалы закат.
Она огромна. Боже мой,
Как мал перед великой тьмой,
Как куц и неглубок мой взгляд!

Он раньше времени погас
Он не прошел всего пути.
Но если смерть в себя вместить,
Не будет ни ее, ни нас.

А будет... Но опять, опять
Я море понесла в горсти.
Мне больше не дано сказать,
Но мне дано - расти, расти...

X X X

Есть мир иной, без "да" и "нет",
без стороны и "той" и "этой",
Потустороннее – не цвет,
А то, что за границей цвета,

То, в чем ни меточек, ни вех,
Что тонет в пустоте и дыме,
То, что нежней оттенков всех
И всех теней неразличимей.

Есть мир, в котором нету мук,
Но путь к нему лежит сквозь муку.
Потустороннее – не звук,
А самоисчерпанье звука,

Когда мелодия полна,
И всякий шепот будет лишним.
Когда такая тишина,
Что даже тишины не слышно.

Когда уже ни "там", ни "здесь",
Воистину ВНЕ стен, ЗА краем,
Когда уже исчерпан весь
Мир, но Ты неисчерпаем...

X X X

Чистое пламя без дыма.
Смерть поглотившее пламя.
Взмыли крыла серафима
огненными языками.

Зов отдаленного рога:
в путь, если сердце окрепло!
о, обжигаемый Богом
и восстающий из пепла!

И замирающий в гимне,
в вечном легчайшем паренье...
Что ты увидел, скажи мне,
там, где кончается зренья?

X X X

Этому ни вида, ни названья,
Это тьма и холод – ни-че-го.
Мы разбились о Твое молчанье,
Мы не можем вынести его.

Умер Бог. И каждую минуту,
Каждый наш земной короткий час
Наступает очередь кому-то
Непрерывно уходить от нас.

О, какая страшная дорога!
Как мы бьемся лбами о судьбу,
Как мы молим умершего Бога,
Позабыв, что Он лежит в гробу.

"Боже мой, ответь мне! Слышишь, Боже?!"
Мы не помним, пьяные тоской,
Что кощунство – мертвого тревожить,
Нерушимый нарушать покой.

Нас приводит в трепет, в содроганье
Мертвых черт бестрепетная гладь.
Мы разбились о Твое молчанье,
Но еще не в силах замолчать.

И на круги возвращаясь снова,
Не умеем, пав земле на грудь,
В недрах смерти отыскать живого,
Чтоб на третий день Его вернуть.

И в сердца не входит слово "Верьте!"
И Осанна посредине тризн...
Как нам трудно справиться со смертью!
Как нам трудно погрузиться в жизнь!

Только Ты допил молчанья чашу,
Мы ж ее пригубили едва.
Так прости оставленности нашей
Жалкие, бессильные слова!

Этот крик над тихой могилой
Перед тайной молчаливых трав...
Замолчать еще не стало силы, –
Говорить – уже не стало прав.

X X X

Смерть света. Угасанье дня.
Но вы глазам своим не верьте.
Свет умер, чтоб войти в меня
И дать мне жизнь своею смертью.

Земному подведен итог
И все гаданья бесполезны.
Вот также умирает Бог,
Зайдя извне в грудную бездну.

X X X

Когда лицо твое внутрь раны
в отверстый мрак спускалось вниз,
в недвижимом воздухе повис
густой, глубокий звук органа.

И знал великий Себастьян,
в какое ты глубоководье,
в какой бездонный океан
от наших берегов уходишь.

И берег жизни омывал
Бессмертья сокровенный рокот,
тяжелый океанский вал -
обетования пророка.

И долго, как морской прибой,
звенело знание в органе,
что там, где берегов не станет,
соединимся мы с тобой.

X X X

Так неподвижны стрелы сосен,
так тихо падают листья,
и так задумается осень,
что не заметит пустоты.

Ей что-то брезжит в новом свете...
В такую глубь глядит она,
что даже смерти не заметит,
сама в себя погружена.

Когда же дни свой круг прочертят,
Оно появится сквозь сны, -
вот то, что дальше, глубже смерти -
в одеждах вечной белизны...

X X X

Деревья... Жизнь под взглядами небес -
Сплошной покой. - Войди и не разрушь...
А может быть, весь этот долгий лес
Есть царство душ?

Они растут, сплетаясь и шурша...
Когда подходим мы к земной черте,
Все кончилось, но началась Душа
В своей непостижимой простоте.

Как просто!... Пусто... Замерли слова,
Умолкли мысли и событий нет.
Что это - смерть иль тихость Божества? -
Лишь только ритм... один лишь ритм и цвет...

X X X

Я не знаю, что после смерти,
Я не знаю, что там, за гранью,
Но лишь небо предел мне чертит,
И как небо – мое незнание.

Я не знаю, что раньше было, –
Был ли мир до земли иль не был,
Но я знаю, что над могилой,
Над великою тьмою – небо.

Я не знаю иного света,
Мне не мыслилась жизнь иная,
Но бездонное небо ЭТО
Я всем сердцем бездонным ЗНАЮ.

Вдруг ударившись лбом и грудью
О твердейший предел небесный,
Я забыла о том, что будет,
Но что ЕСТЬ, мне теперь известно.

Знаю я, что должна разбиться,
Подойдя к своему порогу.
Мне сверкнула моя граница,
Получившая имя Бога.

Бог есть там, где меня не стало
Бог есть то, что меня убило,
Мой конец и мое начало,
Я – над собственной могилой.

X X X

И наступил всех мыслей перебой.
Я выпала из нашей круговерти
И встретилась с березой, как с собой,
С самой собой – после смерти.

Я ощутила линию ствола,
Как путь, как мост над мировым провалом.
Как полно, как божественно б ы л а
Моя душа, когда меня не стало.

Не стало больше ни ушей, ни глаз.
Но прямо в сердце происходит встреча.
Душа не отделяется от вас,
Затем, что отделяться больше нечем.

Такое полнозвучье немоты
Нахлынуло и смыло все границы!..
Но вам нужны привычные черты,
Чтоб от меня.вернее отделиться.

Х Х Х

Был в том последнем напряженном свете
Глубокий звук.

И свет утих, как утихает ветер, _
Внезапно. Вдруг.

Еще не ночь, но на поблекшем своде
Звезда видна.

Был час, когда на землю к нам приходит
Вся тишина.

Тот час, когда ни времени, ни края.

Мир прост и нем.

Тот самый час, когда мы умираем,

Наполняясь всем.

X X X

Мы не умеем умирать.
Мы не умеем умолкать.
И выпадать из шума дней
Туда – в молчание корней.

А жизнь без смерти, как листва
Без корня темного – мертва.
Шумит листва над головой,
И нескончаемо живой,
Лес умирает каждый час
И тайне жизни учит нас.

Молчат стволы, молчит трава,
Смолкают мысли и слова
Смолкает, умирает страх
Что он такое? Дрожь в листьях,
И в струнах. Тайна велика –
Коснувшаяся струн рука
Роняет звук. Он был и – нет,
А музыка, как тайный след,
А, может быть, как тайный плод,
Из сердца нашего растет.

X X X

Потусторонний мир так пуст!
Так непочат и неисхожен!..
Там – ни следа, ни глаз, ни уст,
Ни краски, ни черты, и все же...

Потусторонний мир так тих!
Такой покой объемлет душу.
Ни слов, ни звуков никаких,
Ни шепотка вокруг, но... слушай!..

По непомерности пустот,
На волнах темноты и света,
В т а к о й свободе дух плывет
С т о й стороны сюда, на э т у !

ТРИПТИХ

I

Вода... она почти бела,
И камень наклонен.
Вода как будто берегла
Великий Божий сон.

Чей сон? Ничей... Застылость скал,
Недвижный водный глаз...
Спи, Боже, чтобы мир стоял,
Спи в сердцевине нас.

2

И ни "зачем", ни "почему",
И нету "впереди".
Мы снимся Господу, - Тому,
Кто спит у нас в груди.

И тихо нарастает высь
И ширь на ничего,
Но только, мир мой, берегись,
Не разбуди Его...

3

Когда взрывать будет гладь
И в мир ворвется весть,
Нам будет поздно вдруг узнать,
Что Бог дохнувший - е с т ь .

О, этот взмах и этот шаг
Сквозь нас! - Нас больше нет -
В синь неба вдавлен Кара-даг,
Как тяжкий Божий след.

X X X

О, как нас всех страшат пределы,
Когда отмучась, отлюбя,
Душа вдруг выскользнет из тела
И опрокинется в с е б я .

Как в нашей сутолке и шуме,
Как с нашим страхом и тоской,
Как нам понять, что значит у м е р ? ! -
Тот переполненный покой,

Когда ни голода, ни стужи -
Змерзай во льды, в огне гори -
Ничто не вытолкнет наружу.
Ты весь в покое, весь внутри.

Ничей вопрос не растревожит,
И не принудит крик н и ч е й . . .
Ты умер? Да. Для нас, быть может, -
Для тех, не знающих путей
Возвнутри...

Земной закон, земная ложь
Все наши "там", "тогда", "сейчас", -
Все падает. А ты в с т а е ш ь
На Божий глас.

X X X

Облака ушли в кочевье,
А во мхах текут ручьи...
Мы свободны, мы - деревья,
Мы не ваши, мы ничьи...

День без края, жизнь большая,
Жизнь без смерти, мир - наш дом,
И никто не помешает
Нам идти своим путем.

Может статься, в говор хвойный,
В желтый ствол войдет пила, -
Мы все те же, мы спокойны -
Небо длится, жизнь цела.

Облака ушли в кочевье,
Слышен тонкий плеск ручья.
Я иду к своим деревьям,
Я не ваша, я - ничья.

Тишина. В ней шпиль высокий чертит
тонкий путь. Отряхивая прах,
стройный, строгий, тонкий ангел смерти
душу держит, как птенца в руках.

Взяв ее из трепета и тлена,
из утробной теплоты земной,
медленно, по капле, постепенно
он поит огромной тишиной

робкий дух. О, дух новорожденный
в вечности!.. Склонился звездный сад...
Вот уже умолкли вздрог и стоны,
и желанья больше не кричат...

Вот уже... /еще одно движенье
ангельской руки, еще одна
капля /, и - молчит воображенье,
и молитва больше не слышна.

Мыслей нет. Ни оклика, ни встречи...
Образы, расплывшиеся в дым...
Тихий ангел мягко гасит свечи
бархатным касанием своим.

Тихий ангел, где ж любовь и жалость?
За звездой скрывается звезда.
Ни единой больше не осталось.
И тогда-то, Господи, тогда

Наступил черед и смерти скряться.
Смерти дан такой короткий миг!
Отгорели, отпылали лица,
Но восходит негасимый Лик.

X X X

I

Нет, мертвые не ходят по ночам.
И даже не витают где-то там
в прозрачном мире, теновом, ином... -
Они уснули бесконечным сном.
Уснули в самом деле. Среди плит
безмолвных, вечных - дух глубоко спит,
бездействуя... Так, как недвижно спят
огромные деревья,.. как закат,
раскинутый над миром. - Погружен
великий мир в священный общий сон.
Тс-с... В тишину спускается орган.
Дух входит внутрь, как тело в океан,
и тонут страхи и мечты мои
в чистейшем бесконечном Бытии.

2

Наш мир бессонницею болен.
Он пустотел. Вот почему
блуждают призраки на воле,
а не спускаются во тьму
священную - в жилище ночи,
так медленно растящей свет...
Блужданье полых оболочек,
которым остановки нет, -
скончания, успокоенья,
Того таинственного сна,
вслед за которым пробужденье.
Неумирание зерна -
есть мертвость поля. Между двух
миров, - двух стульев быть хотела
душа. И вот бессонно тело,
и тяжело засыпает дух

X X X

маме

Тебя я видела во сне.
Не знаю, час или мгновенье,
но это было пробужденье
на самой дальней глубине,
где ты: жива... Такая мука,
и столько счастья и тепла,
что я внезапно поняла
всем сердцем: кончилась разлука!

И как же я истосковалась
здесь, среди полубытия!
И как вдали намерзлась я,
какая набралась усталость!
И как спешила я напиться
всем светом твоего лица!
Когда долюбишь до конца,
тогда разлука только снится.

Смерть - это сон, смерть - это вздор...
И ведь порой твою улыбку
мне в сердце доносила скрипка
всей темноте наперекор.

И эта иволга лесная
через простор, через дожди
звенела: я такое знаю!
И ты узнаешь... подожди...

х х х

О мертвых. Да, опять о мертвых.
Портрет молчит. Земля нема.
Но если жизнь хоть чья-то стерта,
То значит стерта я сама.

Провал. Последние черноты.
Но смолкнувшие не ушли.
Они сейчас в тени кого-то,
Так, как Луна в тени Земли.

И до тех пор ещё не с нами.
Покуда не свершились мы.
Покуда мы ущербны сами,
Как месяц в царстве полутьмы.

Но так, как над земною твердью
Восходит полный диск Луны,
вот так наступит полносердье,
И будут все воскрешены.

X X X

Ни отчаянья, ни тревоги,
а любовь. И блаженно нам
жизнь отдать и очнуться в Боге,
жизнь отдать и очнуться там,

где ни слова нет. Смолкли вздохи,-
путь окончен, оборван труд.
Здесь себе не берут ни крохи,
А лишь только дают...дают...

Боже мой, бесконечный Боже,
неизбывная благодать!
Ты иссякнуть уже не можешь -
всё до капли - и вновь давать...

Был нам век на земле отпущен,
чтоб собрать, чтоб вобрать весь свет.
Смерть - порог для одних берущих,
для дающих - порога нет.

Не ищите нас - вечно мимо,
вечно вспять - мы не там, не тут
Есть источник неистощимый -
в мир потоки любви текут.

Х Х Х

Все тем же незамеченным путем,
в той глубине, где тихо и темно,
вершит Душа таинственный подъем, -
и жизнь и смерть - для Духа все равно.

Так, как росток через земную твердь
пробился, поднимаясь в высоту,
Вот так душа проходит через смерть,
пересекая тайную черту.

И нам страшны совсем не пуля в грудь,
не дней земных неумолимый ход,
а то, что остановит этот путь,
подъем души внезапно оборвет.

С кем это случилось, посмотри сюда,
остановись, куда бы ты ни шел,
и вслушайся, как движется звезда
и шаг за шагом ввысь уходит ствол.

Куда бы ты ни шел, остановись.
Нет для тебя ни "прежде", ни "потом".
И нет сторон. - Путь Духа - только ввысь.
Вот с этой точки начинай подъем.

X X X

Разрезом через грудь – торжественное пенье.
Но верь или не верь, не встанет во плоти.
Смерть – это не конец. Но и не продолженье.
Смерть – это не конёц! – Но дальше нет пути.

Остановились дни. И тот, кто был нам ближе
ладони собственной, стал дальше, чем звезда.
Смерть – это не конец! – Но – более не вижу.
Смерть – это не конец! Но – что она тогда?!

Через весь мир черта. Нам всем предел положен.
И нам не перейти вовек на берег тот.
Смерть – это не конец. Но, Боже, Боже, Боже!
Вся Бесконечность вдруг, как рана, предстаёт.

И слышен мощный вал вселенского прилива.
И – всё вмещает внутрь разверзшаяся грудь...
Смерть – это не конец – Вмещение обрыва.
Смерть – это не конец, а повеленье: будь
Совсем без ничего!

О, это возвращенье
в торжественную тишь!... Ты сам себе ответ;
И может только тот дождаться воскресенья,
кто увидел простор, где внешней жизни нет.

Где больше ничего не видно и не слышно, –
Лишь только этот гул, лишь только этот вал...
Смерть это не конец. Но дай нам сил всевышних,
На полный поворот к началу всех

ФАВОРСКИЙ СВЕТ

X X X

А Свет какой! Какой здесь свет!
Мир истончился. Больше нет
препятствий... Все насквозь отверсто.
И тихо высветилось Сердце.

И оказалось, что оно
и дарит свет. Давным-давно
с рожденья мира Сердце светит.
До только кто его заметит?

Его светящее тепло
вселенским телом обросло.

И сколько нам ни говори,
что близок Бог, что Он внутри,-
Он не заметен. - Нет и нет.
Но этот все пронзивший свет!..

X X X

Ты б ы л. Ты е с т ь.
Пускай они не знали
И, видя, говорили: нет.
О, Ты, пронзивший лес и дали,
Насквозь пронзивший сердце свет!

Ты больше б ы л, чем вещество,
Чем образ явленный, готовый.
Но Ты не знал ни одного
Навек заученного слова,

А все - творил. О, эта тишь
Сквозь все слова, как свет сквозь чашу!
Ведь всё молчит, а г о в о р и ш ь
Лишь только Ты, - всегда молчащий.

ДАНАЯ

Вся эта комната пуста,
Чтоб ты ее заполнил сразу...
Ловлю твой вздох, не видя рта,
И пью твой взгляд, не видя глаза.

Так жарко там, в груди моей,
Такая нежность, глубь такая!..
Зачем свидетельство очей,
Когда ты внутрь души втекаешь?

Такая тишь втекает в дом,
Что слышен каждый всплеск небесный,
Как будто послан мир ковром
Перед стопой бестелесной

Твоею, Свет.

Иди...Иди...

Ты - господин всего, ты вправе.
Твой каждый шаг в моей груди
По солнцу новому оставит.

X X X

А березы ликовали
так, как будто вскрылись дали,
точно почки, и глубины
развернув, внезапно хлынул,
солнцем мартовским согрет,
белый, белый, белый цвет!

X X X

А где-то... Нет, совсем не где-то,
А здесь, в окне - безбрежье света.

И - вышел срок.

Совсем не где-то, не когда-то,
а нынче может встать Распятый.

Ты жив, мой Бог!

О, малолюбы, малovery,
И нам - без края и без меры
сплошной поток!

О, свет, ломающий запруды!
Зачем просить .у Чуда - чуда? -

Ты есть, мой Бог!

Конец отсрочкам, расстояньям,
вымаливаньям, ожиданьям,

Жизнь - это Ты!

Ты - затянувшаяся рана.
Ты есть, так значит я восстану.

Гроба - пусты!

X X X

Легкий хрупкий свет осенний
залил все окно.
И дано мне во спасенье
дерево одно.

Намолчавшиеся сосны
с высоты глядят.
Во спасенье сердцу послан
этот тихий взгляд.

Свет, разливший в небосводе
чудотворный Спас,
Сколько лет Ты к нам приходишь
во спасенье нас!

В память о прощальном часе
через все года
ты глядишь нам в души, Спасе,
молча, как тогда.

Новых слов уже не будет.
Истина проста.
- Не отчаивайтесь, люди! -
Он просил с креста.

Нет свидетельств воскресенья.
Доказательств нет.
Только то, что стал спасеньем
этот хрупкий свет...

X X X

Осень - это призыв.
Птицу тянет на юг,
А душа собирается к Богу.
Постепенно земной размыкается круг
И такая сияет дорога!

О, мощный торжественным золотом путь.
Золотые дрожащие свечи...
От прощанья ль моя разрывается грудь
Или, может, в предчувствии встречи?

Может, все, что потеряно, ждет впереди?..
Нам неведом таинственный жребий...
Знаю лишь: разгорается сердце в груди,
Когда свет догорает на небе.

X X X

Как я люблю безмолвье сентября!
Душа немеет у себя на тризне.
Холодная, осенняя заря
Нам говорит об остановке жизни.

Ты больше не участвуешь в борьбе
И не нужны ни громкость и ни сила.
Жизнь тихо собирается в себе
И как кристалл светящийся застыла.

О, этот свет! Что значит ветра свист
И дождь холодный, хлещущий нам в лица?
Лишь только тот слетает, точно лист,
Кто сам в себе не смог остановиться.

X X X

Торжественная осень. Торжество
отягощаемого Богом сердца.
Святая тяжесть сердца моего –
торжественное постиженье смерти.

Немой пророчицей она идет,
в одежды огнецветные одета,
И обещает не покой пустот,
а беззакатность и бездонность света.

Огромное пунцовое крыло
мерцает и полощется в просторе.
О, Боже, как блаженно тяжело:
любовь и жизнь друг с другом в сердце спорят.

Любовь жар жизни тайно собрала,
и он готов от жизни отделиться.
Вот почему полощутся крыла
в незриность отлетающей Жар-птицы.

X X X

Я видела, как в глину входит Дух –
Была гора горой и камнем камень.
И Светом Свет. Всё порознь. И вдруг
Внутри горы зажглось такое пламя,
Что мертвый камень к жизни пробуждён
И, даль пронзая взглядом Серафима,
Стал тонкой осью всех земных времен
И центром всех пространств необозримых.

λ X X

И был расправлен и свободен
Простор, как Божеская длань.
И свет звучал, как глас Господен,
Велевший сердцу: Лазарь, встань!

И встал, обвитый пеленами,
И все лучи на нем сошлись.
Снаружи - гаснущее пламя,
Внутри - зажегшаяся жизнь.

X X X

И вдруг...
О, это вспыхнувшее "вдруг"!
О, эта перевёрнутость Вселенной!
Какой Амур натягивает лук,
Чтоб это сердце поразить мгновенно?

Был день, как день. Но как же я могла
Не знать, не видеть, не заметить это?
Откуда вдруг вонзилась в грудь стрела
Навылет прошибающего света?

И вот душа открыта всем ветрам.
Не отличить блаженства от ненастья.
Ведь откровенье не дается нам,
А нас внезапно открывает насталь.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

/по картине Эль Греко/

Он здесь.

Увидь.

Услышь.

Узнай.

Я прибыл прежде.

В моей руке трепещет край

Его одежды.

Вся даль небесная вплыла

горящей тканью.

Мои великие крыла -

Его дыханье.

Открой для вести чуткий слух:

Сверкнувшей птицей

Его миры творящий дух

в тебя стремится.

Да будет эта ткань снята!

Он - у порога!

Твоя святая нагота -

простор для Бога.

Так приготовься перенести

мощь полногласья. -

Ведь я принёс благую весть

о смертном часе.

Прервался разом бег времен, -
нет круговерти.

Сей благовест - могучий звон
рождённых смертью:

Так не ищи ногами дна,
Не жди покрова.
Ты больше не защищена
от жара Слова.

Твоя душа выносит свет
невыносимый.
И разделенья больше нет:
Ты Им - любима.

X X X

Луч приближается к карнизу
Скалы. И – миг неотвратим:
Грядет торжественная близость
Души с Создателем своим.

Огня сквозного неизбежность.
Один лишь миг и – рвётся связь.
Но, Господи, какая нежность
В погасшем небе разлилась!

X X X

Осень. Осиянное прощанье.
Долгий взгляд и смолкшие слова.
Внутренним таинственным сияньем
Тихо озарились деревья.

Что ж, что меркнет внешнее светило?
Что ж, что дней в запасе больше нет?
Внутренняя, вызревшая Сила
Так спокойно излучает свет!

Точно жизнь нашла свой тайный выход –
Смерть не властна над крылом зари.
Наше Солнце опустилось тихо
Миру в грудь – и светит изнутри.

X X X .

Я – поэт. И, Господи, что значит
это слово, знаем Ты и я.
Тихо клен склоняется и плачет,
тихо льется золота струя.

От Тебя ко мне прямою речью,
от Тебя незримого ко мне
легким золотом струится вечность,
плещется и жжется в глубине.

Всех листов и всех сердец тревога,
звон и блеск проходят сквозь меня.
Я – свидетель вечности и Бога
посредине естества и дня.

Я свидетель в том, что миг единый,
краткий миг наш – вечности стежок. –
Золотой звенящей нитью длинной
всех и все простёгивает Бог.

Я видала... не видала, – вижу
этот тайный взмах Его руки.
Он вот здесь, в седой листве, нет, ближе –
посредине этой вот строки.

Прямо в сердце вдавлен след глубокий –
золотая вонзена игла...
Как ещё возникли б эти строки?
Как бы осень свой пожар зажгла?

X X X

Когда средь вымокших иголок
в просвете грозового дня
на ели задрожит осколок
упавшего с небес огня,

как бы светило вдруг повисло.
И вот, душа прожглась насквозь
явленьем неземного смысла -
у мира золотая ось!

И всем словам противореча,
сверкает тайна между строк;
и прямо в сердце человеческом
внезапно просияет Бог.

Как просто броситься с откоса!
Как он естественен и прост -
бросок в сверкающую россыпь
дрожащих многоцветных звезд!

Одно случайное мгновенье
И - встретилась душа моя
с тем самым Вздохом, - Дуновеньем,
разжегшим искру Бытия.

X X X

Предчувствие... Преддверие... пред-шаг...
Еще один - и - мир уйдёт куда-то.
Еще один - и будет вся душа
внезапным цельным пламенем объята.

И станет этим пламенем. Тогда
смерть станет жизнью. А пока - предсмертье.
Так перед ночью первая звезда
пунктир дрожащий промельками чертит.

Все станет цельным светом. А пока
пока еще родимый мрак не сгинул, -
дрожащий блеск осеннего листка,
сквозной прокол пылающей рябины.

X X X

Здесь никого. Так полно одинок
дух в лабиринте меж ветвей косматых!..
И Ариаднин маленький клубок
дрожит в руке. Он выведет куда-то...

Дрожащий лист, дрожащий легкий свет...
И поминутно вздрагивает сердце,
отыскивая затаенный след,
какую-то неведомую дверцу...

Сюда... сюда... и ты ее найдешь -
Сквозь темень нить тончайшая продета.
Сама твоя ликующая дрожь,
сердечный всплеск - вернейшая примета

пути, который кончится тогда,
когда весь свет в клубок горячий стиснув,
живое сердце вспыхнет, как звезда,
на целый мир разбрызгивая искры.

X X X

И вспыхнул вдруг Фаворский свет.
Когда весь мир сошел на нет,
Когда душа упала ниц,
И вдруг из тысячи частиц
Кусков, осколков и дробей
Во всей нетленности своей
Из глубины глубин восстал
Тот совершеннейший кристалл,
Что был в начале всех начал.
И снова нераздроблено
То сокровенное Одно
Что в высший наш, в великий час
Вдруг вспыхнуло, как Божий глаз.

X X X

Остановитесь! Свет идет!
Кто, кто сумел остановиться,
чтобы увидеть дня восход
и заглянуть за дней границу?

Остановиться на пути
своём – не важно кто ты, где ты.
А важно дать сквозь грудь пройти
безостановочному свету.

X X X

А в свете - все живы, и вот почему
ликующий этот весенний
свет хлынувший, свет, разгоняющий тьму,
есть мощная песнь воскресенья.

Все мёртвые живы! Пусть скрылся мой след,
Но если ты выпьешь небесный,
из божьей ладони пролившийся свет,
я с каплей последней воскресну!

X X X

I

Час собирания, когда
вином становится вода.
Лучом последним зажжено,
всё море - красное вино.
И цвет загустевает так,
что миг один и - полный мрак.
Но и в ночи светло, как днем:
душа становится огнем.

2

Итог и осмысленье дня -
час собирания огня.
Со всех сторон из разных мест. -
Он не вдали и не окрест, -
огонь покоится внутри. -
Час собирания зари,
час просветленного конца.
Кончина твари. Час Творца.

ПРОЗРАЧНЫЙ ЧАС

X X X

Все нежней, розовой, голубей,
все прозрачней заречные дали...
Утешение наших скорбей -
красота неизбывной печали.

Появляются капельки звезд,
ледяная кайма заблестела...
Умирание - медленный рост,
вырастанье души из предела.

И ты смотришь на берег другой,
бесконечной тоскою объятый,
точно кто-то, как жизнь дорогой,
от тебя уплывает куда-то.

Удержатъ бы... склониться в мольбе...
Но - лишь отблески ветка качает...
Он уже не ответит тебе, -
Он себе самому отвечает.

В нем уже не найдешь ничего
от метаний и мук человека. -
Тихо смотрит в себя самого,
как вечернее зарево в реку.

Чей-то дух превратился в простор,
перешел через наши границы.
С ним уже не вступить в разговор, -
Можно только ему причаститься.

X X X

А тишина!

А тишина!

Как будто я не рождена.

Как будто бы не прервалась

Та сокровеннейшая связь,

Та пуповина бытия...-

Не-разделились Бог и я.

X X X

Час безмолвия.

Взгляд во взгляд.

Сердце полное -

вот и свят.

сердце полное -

собран свет.

Вспышка молнии:

смерти нет!

Дрожь хрусталинки -

свет лица:

В капле маленькой -

все солнца.

У предела я.

Тишина.

Жизнь всецелая

вмещена.

И не может быть

впродоль полней.

Чаша Божия...

на, испей!

X X X

И Ночь пришла. И мир затих.
Он снова цельный и невинный
И вновь раскрыл для нас двоих
Свои бездонные глубины.

Дрожит на стенке тень ветвей,
И нарастает жар сердечный.
Прильнув щекой к груди твоей,
Я погружаюсь в Бесконечность.

Ее пространствами дыша,
Всем сердцем чувствую, всей кожей,
Как расправляется Душа
И что Она пройти не может...

X X X

Нарастанье, обступанье тиши...
Нас с тобой только сосны слышат.

Прямо в небо, прямо в сердце вниди...
Нас с тобой только звезды видят,

наклонившиеся к изголовью.
'1 остались мы втроем - с Любовью.

Для того лишь и замолкли звуки,
чтоб Она смогла раскинуть руки.

Для того лишь мир и стал всецелым,
чтоб Она смогла расправить тело.

Задрожали, растеклись границы,
чтоб Она сумела распрямиться,

каждый миг опавший воскрешая...
Боже правый, до чего большая!

Боже святой, до чего огромна!
Кто сказал, что Ей довольно комнат?

Кто задумал поместить под крышу
Ту, которая созвездий выше?

Кто осмелился назвать мгновенной
Ту, которая подстать Вселенной?!

X X X

А тишина приобрела
вещественность. Она была
не просто прекращеньем шума.
Она была самой собой.
И каждый блик и ствол любой
о ней одной все время думал.
И потерявшая дар речи
душа ждала великой встречи...

X X X

Все тишина... Такая тишина,
Как будто бы душа у всех одна
И чтоб обнять все то, что есть вокруг,
Излишни и движение и звук.

И то, что там у мира в глубине,
Течет и разливается во мне,
И нет минуты, выпавшей из дня,
И нет у Бога тайны от меня.

X X X

Первая весть листопада -	Стал набухающей почкой
Воздух набух тишиной.	Этот осенний покров.
Медленно тает преграда	Дух от земной оболочки
Меж небесами и мной.	Освободиться готов.

И - засквозили глубины...	Скоро, о, Господи, скоро -
Виден грядущий исход -	Ни разделений, ни дна.
Тайно горит сердцевина	Только разлитость простора
Сердце незримо жжет.	Только прозрачность одна...

X X X

Не тот, кто говорит со мной,
приносит мне благие вести,
а тот, кто словно дух лесной,
как свет, молчит со мною вместе.

Кто, позванный на тайный пир,
как чашу разопьет со мною
молчанье глубиною в мир,
молчанье, в сердце глубиною.

Поэзия – не гордый взлет,
а лишь неловкое старанье,
всегда неточный перевод
того бездонного молчанья.

X X X

В часы блужданий без дорог,
утраты горькой,
что может дать молчащий Бог?
Себя – и только.

Что может дать душе ольха,
склонясь к рябине?
Покой серебряного мха
и темных линий.

Стволы, увитые плющом,
небес просветы...
Ты хочешь что-нибудь еще?
а есть лишь это.

И бьются бедные слова
о бедность истин,
и покрывается трава
слезами листьев.

Их медленным круженьем весь
простор укачен.
Твое бессмертие вот здесь
молчит и плачет.

В часы блужданий без дорог,
утраты горькой
что может дать молчащий Бог?
Себя – и только.

Но для тебя Он слишком прост, –
душа мечтала
о большем... От земли до звезд –
ужели мало?

X X X

Луч последний лег на сосну.

Отпусти меня

в тишину.

Как далекую птицу ту

Отпусти меня

в пустоту.

Отпусти меня

в тот просвет,

где ни имени

и ни лет.

Где ни гения,

ни калек,

где мгновение

длится век.

И задача вся, все дела -

Те прозрачные

два крыла.

Тонкой ткани их

разворот,

И смыкание

в целый свод.

Мир разрозненный

с глаз исчез.

До и после нас -

тишь небес.

И не зримая никому,

всё любимое

обниму.

Над водой разливалось такое затишье
От зари!...

Горы словно склонялись, как перед Всевышним
В тайный час свой - цари.

Поникал, словно тихо вставал на колени,
Перед светом простор.

Наступал высший час - час немного служенья,
Час смирения гор.

Камень стал невесомым и проникновенным,
Как вода или дым.

И училась душа замолкать совершенно
Перед Богом своим.

X X X

Лес что-то мне сказать хотел,
Но не было ни слов, ни знаков...
И он смирился, просветлел,
И чуть склонившийся заплакал.

Ни от чего...ото всего...
Дуб плакал, плакали березы...
Всем светом сердца своего
Лес истекал, роняя слезы.

Дух был вот тут. Он тек и тек
Светящейся, беззвучной дрожью.
Вот так, наверно, плачет Бог,
И дни текут, как слёзы Божьи...

X X X

Ты слишком "здесь". А где-то "там",
Там, за окном – ветвей сплетенье.
Так просто дышится цветам,
Так просто длятся отраженья

И продолжения твои.
Твой четкий контур там утрачен.
В зеркальном инобытии
Ты весь бессмертен и прозрачен.

И не мешаешь никому.
И нет ни боли, ни испуга.
Как просто свет идет сквозь тьму
И всё проходит друг сквозь друга.

И продолжается в других.
И потому и в снах, и в бденьи
Весь мир сплетается, как стих,
И тихо длятся отраженья.

X X X

Холодный день. Как бы в пустоты
плывущий дом. В нем — ни словечка.
И только отзвук — где-то... что-то...
Дрова потрескивают в печке...

Огонь горит, как сердце бьётся.
Пусть хлещет ветер за стеною,
огонь горит, и остается
лишь только быть... А что иное?

Лишь только будь... как в раннем детстве.
В чем смысл глубокого затишья?
Быть может, в этом чувстве сердца...
Нам сердце собственное слышно.

X X X

Как высь прозрачна и ясна,
И каждый лист почти изваян.
И воцарилась тишина,
Какой, казалось, не бывает.

В шуршаньи трав, в жужжаньи мух,
В листа замедленном полете
Расслышать можно только Дух,
Безмолствующий в каждой плоти.

И можно жить, как Бог велел:
Вот так, как жили б люди, если
Все умершие вдруг воскресли,
А всем живым сверкнул предел.

Когда отцарствует заря
и в небе просгупают точки
звезд робких, — эти одиночки,
между которыми моря

пустот молчащих, отчего нам
так надо в эту высь, туда,
где чуть дрожа над горным склоном
восходит первая звезда?

Там мириады душ, которых
ничто не давит, не теснит.
О, сколько каждому простора!
И каждый каждому открыт...

X X X

Я знаю, где-то здесь, неподалеку,
а может быть, за тыщу лет отсюда
/и все равно, неподалеку/ есть
пространство, где живут стихи.

Никто их не читает и не пишет,
никто их не пугает и не ловит,
как птиц, взлетающих с куста на куст.
Они живут, как птицы среди веток,
в своем прозрачном трепетном пространстве
и из души перелетают в душу,
как с дерева на дерево другое.
И души их не спрашивают: "Чьи вы?"...

Какое там стоит благоуханье!...

Х Х Х

Зеленовато-бурый холм,
как линия застывших волн,
как тихой песни вечный след...
Вот этот холм собрал весь свет
закатный. Тот, что был везде
разлит – на небе и в воде,
на склонах и на гребнях скал,
сейчас ему принадлежал,
единственному на земле,
еще не скрытому во мгле.

И не кусок, забытый здесь,
случайно вырванный, а весь
свет нашел сейчас свой дом,
пускай на миг, но в нем одном.

И этот бесконечный миг
был так глубок и так велик,
как образ тот, в котором мог
собраться вездесущий Бог.

В вечерний час

Свет входит в нас

Так, как в гнездо влетает птица.

Мир замолчал,

Закат погас.

Но в тьме молчанья дух гнездится.

Свернуться смог

В грудной комок

Морской простор с плывущим дымом.

Весь свод небес

В груди исчез

И в нас горит огнем незримым.

X X X

Дух у плоти передышки просит,

Духу в мире пауза нужна.

Говорят, что наступает осень -

Это наступает тишина.

Это подступает издалёка,

Медленно пронизывает нас,-

Может быть, невидимое око,

Может быть, неслышимый рассказ.

Ни надежд, ни праздничности летней.

Мало птиц, листва - как решето.

Мир прозрачен, и теперь заметней,

ближе к нам и явственнее... Что?

Что это окутывает душу,

тайное пророчит торжество?

Мы отговорили. Надо слушать.

Замолчать и слушать... Но кого?

X X X

А сосны ждали много лет,
пока какой-нибудь поэт
все преходящее стряхнет
и приоткроет в вечность вход.

Отбросит многолетний хлам,
и вдруг увидит: это там,
куда сквозь все земные сны
вел сердце длинный перст сосны.

X X X

Что значит Вечность?.. Чуть шуршит прибой
И даль такая сказочно большая,
Что воссоединению с собой
Уже ничто на свете не мешает.

И вырастает сердце в полный рост
И открывает новый край за краем,
И с самых ближних и с далеких звезд
Себя само по крошкам собирает...

X X X

Окаменев, над ним стою
и оживает только память.
Связало море жизнь мою
с давно ушедшими веками.

Пустой простор, как сердце, нем.
Но, Боже мой, с какой силой
он смог связать меня со всем,
что есть, что будет и что было!

X X X

А где-то – только день один
то, что для нас тысячелетья...
Вот почему люблю глядеть я
на контур каменных вершин.

Что мне с того, что есть миры,
откуда я и не заметна?
Но если весь покой горы
пересечет земные ветры...

Но если вдруг остановить
все мельтешенье нашей мысли,
сверкнет связующая нить,
на коей все миры повисли.

И точно тонкий птичий крик,
ворвется вдруг иное знание:
что этот мир – не окончанье,
и что священен каждый миг.

X X X

"Замри!" – сказал Господь, и стала
душа живая навсегда
немой, недвижимой, точно скалы,
зеркально-чистой, как вода.

И перед нею проплывает
душ беспокойных хоровод.
И ни одна душа живая
сестры своей не узнает.

X X X

А Истина безмолвна. Все слова
лежат в изнеможении, в бессильи.
Она растёт сквозь них. Она жива.
И в немоте раскидывает крылья

на целый мир. Такая тишина!
Нет будущего. Прошлого не помню.
О, Господи, насколько же она
меня мудрее, глубже и огромней!

Как бы остановившись на бегу,
внезапно перед морем я застыла...
Какое счастье жить на берегу
того, что сердце исчерпать не в силах!..

X X X

В гуще жизни, в гуще света,
в ивняке над самой речкой,
в гуще сосен, в сердце где-то
в глуби сердца - ни словечка.

Что-то здесь сквозит и дышит,
что-то зреет, что-то любит...
Не гадайте - тише... тише...
Мы подходим к самой глубине...

X X X

Леса, леса, леса, леса.
На два часа, на три часа...
Бессрочным, бесконечным днем
дух кружится в себе самом.
За кругом круг... ещё один...
Открытие собственных глубин,
освобожденье от оков
давно недвижимых пластов,
в которых сто веков подряд
миры неведомые спят.

X X X

Тусклый день, почти совсем бесцветный,
но такой покой в моем окне!..
даже небо стало незаметным
и плывет в полупрозрачном сне.

Затаилось сердце, точно кокон -
крыльев неродившихся приют...
так спокойно, вечно и высоко,
может быть, в посмертии живут...

X X X

И птичьи песни недопеты
и в сердце жалоба слышна...
Как будто не настало лето,
а осень рядом, вот она.

Неоспоримо, незаметно
В мир тишина её вошла,
осела, точно снег на ветках,
торжественна и тяжела.

И с тайной зоркостью своею
за вихрями проводит гладь...
Так что ж мне, плакать вместе с нею
иль вместе с нею прозревать?

X X X

Я дождь люблю за кротость и смиренность.
За то, что в ветках каплями шурша,
Дает нам слышать, как прозрачной тенью
Течет по руслам мировым душа.

Я дождь люблю за то, что всё отринув,
Он повернул часы и мысли вспять
И говорит нам всем, что мы едины
И что пора бы нам про это знать.

Я дождь люблю за тот неодолимый
Наклон вовнутрь. За этот шаг сквозь нас
За то, что он весь сор из сердца вымыл
И выплакал прощенья хоть на час.

X X X

Прозрачный час. Истаиванье дня.
Последний свет на блеклом небосводе.
Деревья проступают сквозь меня
И медленно к твоей душе подходят.

И так тиха сейчас душа твоя
И так недвижим и прозрачен вечер,
Что сквозь тебя вдруг проступаю я,
И длится нескончаемая встреча.

X X X

Свет замирал в тот тихий час...
Да нет, он не потух.
Он просто на глазах у нас
Преображался в дух.

Не ослепителен, не жгуч, -
Простясь со всей тщетой,
Луч таял, превращался луч
В Дух света, Дух святой...

X X X

И длится долгий час любви -
Час постиженья, час зачатья...
О, Господи, останови
часы во глубине объятья!

Вся в замирающем огне
морская гладь, как глаз провидца.
Дай мне постичь Тебя во мне!
Дай мне самой в Тебе открыться!

X X X

Белизна моя родная...
Тсс.. Не смею и дохнуть.
Жизнь сначала начинаю.
Снова выбираю путь.

Ненарушенного света
нескончаемая гладь.
Снова выбираю эту
невозможность выбирать.

Это белое затишье,
небо с Господом на дне,
эту верность воле Вышней,
не дробящей душу мне.

X X X

Стих пишется, когда ни шагу
не можешь сделать, - прерван бег.
И мир ложиться на бумагу,
как тень от дерева на снег.

ПРОСКВОЗИТЕ МЕНЯ, ПРОСТОРЫ

X X X

I

Есть радость, чистая, как капля
воды в луче, как водомет,
который вдруг из сердца бьёт
сквозь все пласты тоски и боли,
и разливается, как в поле
ручей весенний, как река.
Откуда это сердце знает,
что как бы ни была земная
юдоль безвыходно тяжка
/пусть даже смерти тяжелее/,
но там - над ней... и там - за нею!..

Ты думал есть у жизни дно,
А воскресенье - вот оно!

2

А воскресенье, воскресенье -
оно и есть ручей весенний,
звон капель, птица на суку.
Оно стыдит мою тоску,
рассеивает наши бредни
и к нам приходит с той последней
прозрачной каплею смиренья,
с какой в последнее мгновенье,
сказав всему и всем " прости",
мы смерть смогли перенести.

X X X

Весь внутренний простор открыт.
Здесь внешних нет. Здесь все есть я.
Душа бескрайняя моя
сама с собою говорит,
как птица. Это вот и есть
непрекращаемая песнь.

X X X

И зачем глаголы вам?
Все смешалось в звоне.
Запрокинуть головы
И разжать ладони...

Что-то здесь готовится -
сговор против смерти.
Время остановится
под напором сердца!

Струи водопадные,
крепнущая сила...
Вот Оно, громадное -
Все остановило.

Х Х Х

А черемуха провисла
белоснежным коромыслом
через липу и осину,
сквозь березу и рябину.
Неужели эта стая
птиц небесных

улетает?

Отцвела и облетела,
только ей какое дело?

Кто-то, кто душе навстречу
вынес белые соцветья,
кто сиреневые кипы
на пути моем рассыпал,
кто меня с такой любовью
в мир позвал, - свое условие
мне поставил: чтоб ни разу
вспять не обернуться глазу.
Он сказал: любая малость, -
все, что позади осталось,
каждый листик дорогой, -
все найдется, но с другой
стороны, - не там, где ищешь,
но на старом пепелище...

X X X

И вот пьяны весенним духом...
Хоть знаю я, что я старуха,
а ты - старик. Жизнь пролетела.
Да только нам какое дело?
Какое дело листьям этим
до всех тревог и мук на свете,
до всех болезней, слез и бед,
до будущих и прошлых лет?

Какое дело нашим душам
до этой несусветной чуши,
когда до края, через край,
нас переполнил этот май?!

А ведь душа, она, быть может,
с весной каждой все моложе...
Как через дали, - через годы.
Разбег и - в вечность, словно в воду!

Х Х Х

Дыханье тающего снега!
А сосны с елями сплелись.
Как будто тысячи побегов
Из сердца - в даль, из сердца - в высь!

И в сердце - ни тоски, ни боли.
Оно уже не взаперти, -
Из клетки вырвалось на волю,
Чтобы расти, расти, расти!

Воды сверкающие пятна.
Ручьев и капель голоса!
Как небо сердце необъятно
И стоголосо, как леса.

Вот почему и в сём апреле,
Как в годы прежние, опять
Все птицы, все крыла слетелись,
Чтобы всем миром ликовать.

И в их гремящем хороводе
единый, вещей смысл сокрыт:
На свете только Бог свободен,
И потому-то свет стоит.

Х Х Х

Голоса, голоса, голоса! -
Их тем больше, чем тише леса.
Их тем больше, чем глуше простор -
глубины с глубиной разговор.

Что ни ствол – воплощенная мысль,
что ни слово – то новая жизнь. –
Стоголосый немолкнущий грай:
отвечай, отвечай, отвечай!

X X X

И ни сюжета, ни развязки. –
Все снова с новой весной.
Художник смешивает краски:
Меня с тобой, тебя со мной.

Какие сны, какие души,
Чей образ, слово, аромат
Мне входят в ноздри, очи, уши
И что изволят, то творят?!

А там, над нами – голубое,
Как все вмещающая грудь...
Так дай мне, дай мне стать тобою,
И сколько хочешь, мною будь!

Снега последние сминая,
Восходят первые цветы,
И птицы знают, птицы знают,
Что ты есть я, а я есть ты!

В душе, в соборе, в океане –
В немом слиянии вся и всех,
Вновь птица Духа смерть обманет,
И снова плач вольётся в смех!

X X X

Весеннее чудо, веселье капли,
Ручьи и потоки, и мир без дорог!
А птицы звенели! А птицы звенели,
Как будто и вправду приблизился Бог.

Кому же ещё эти громы оваций
От света, земли и всей твари живой?!
Кому же еще можно так признаваться
В любви и в готовности вниз головой?!

X X X

Как он ликует, дух весенний!
Весенний лес, весенний сад!
В неистовом самозабвении
Певцы крылатые звенят.

Непросыхающие слезы
И боль, сгоревшая до тла.
Самозабвенная береза
Восторг зеленый разлила.

Откуда это все? Откуда
Весенний лист? Весенний свет?
Самозабывшееся чудо,
Душа, которой дела нет

До совлекаемого тлена -
До мер, границы и числа.
Вся жизнь есть хор самозабвенных,
Самозабвенная хвала,

Одно торжественное пенье,
В котором смерть сама - призыв
К последнему самозабвению...
Кто жив - тот мертв, кто мертв - тот жив.

X X X

Не на горе, и не во храме,
Не "около", не "где-то здесь" -
Бог там, где всё - сплошное пламя,
Где только Он один и есть.

Где всё пускается с откоса,
Но дух невозмутимо тих,
Где больше нет о Нем вопроса
И нет сомнений никаких.

X X X

Касание снега, дыханье мороза,
Берёзы, берёзы, берёзы, берёзы...
Берёзы и сосны, берёзы и ели.
Кусты забелели, синицы запели.
Стволы окружали, стволы закружили, -
Затерянность в дали, затерянность в были...
Пропасть, затеряться... Потеря дороги,
потеря стремлений, потеря тревоги,
потеря заботы и той постоянной
сосущей, зовущей и ноющей раны.
Потеря обиды, потеря досады,
потеря всех "должно", "обязана", "надо"...

Другая страна ли, планета другая?
Душа, как праматерь, гуляет нагая.
И Бог по соседству, но дьявола нету,
И нету соблазна и нету запрета.
И нету змеиного страшного знания, -
Потеря седин и потеря страданья.
И тишь неземная и хор стоголосый. -
Потеря ответа, потеря вопроса...
Сплетенные ветки - слиянные лица. -
Потеря стены и потеря границы.
Как будто изгнанницу вновь возвращают
в забытые кущи родимого рая.
Распахнуто сердце, как райские двери.
Изгнанье изгнанья! Потеря потери!

X X X

Нет, не стихи. Они умрут.
Всего лишь несколько минут,
чуть-чуть поболее, чем нам,
отведено моим стихам.

Нет, не стихи, - не ты, не я,
а мимолетность бытия,
та молния, что лишь на миг
сверкнула из священных книг,

Мои бессмертные стихи
недолговечней, чем листки,
которые сдувает вихрь.
Но Вечное дышало в них.

то, что повеяло - и нет,
оставив свой дрожащий след,
который постепенно гас,
веками догорая в нас.

X X X

Веселиться! Веселиться! -
Звонко тенькает синица,
А весенняя вода
из-под смерти, из-под льда,
с того края; с того света
пробивается с приветом
к нам от Бога самого.
Что сказал Он? - ничего.
Ничего, что сил не стало,
ничего, что ты устала,
что, как камень, тяжела,
ничего, что умерла.

Стоит только оглянуться, -
это ангелы смеются -
над бессильем, над судьбой,
над концами, над тобой.

Позабудь земное имя,
и засмейся вместе с ними!

Что от страха твоего
здесь осталось? -

Н и ч е г о.

X X X

Когда зальется соловей, -
тут вдруг со дна души моей,
из самой глубины, поднялись
фонтаны звезд - в такую высь!

О, тут уж - не от сих 'до сих,
не спотыкающийся стих,
тут - все! Тут - сердце раствори,
и - целый Бог - уже внутри,
и целый лес, и целый май...
О, только грудь не разрывай!

И смысл всего, что есть вокруг, -
вот этот мимолетный звук,
звонящая вот эта весть
о том, что все, что в мире есть,
что бесконечность вся сполна
быть может в точке вмещена,
и эта точка здесь, в груди.
Так погоди ж ты, погоди...

X X X

Постой, постой, постой, постой!
Дрожащий листик золотой!
Побудь таким же... Задержись,
листок, минута, день и жизнь!

"Постой, постой, постой, постой!"
Но это только звук пустой, -
синицы звон... А, может, нет?
А, может, это бег во след
мгновению? Души полет
туда, куда нас Дух зовет?

Х Х Х

Так должно было случиться:
почки слушали синицу.

А она ещё на белой
снежной ветке так звенела,

что проклюнулся в ответ
первый лист на белый свет.

И пошла тут перекличка
листьев с птичкой невеличкой! -

Гомонят, шуршат, взлетают -
птичьи стаи, листьев стаи!

В мире началось такое,
что не знать уже покоя:

Что ни час, что ни мгновенье, -
то внезапное рождение;

что ни новая минута,
то неожиданный дар кому-то...

О, великий праздник мая!
Только справлюсь ли, не знаю...

X X X

Это Бог ворваться хочет
в мир из всех набухших почек.
Это Он, сминая глину,
день вчерашний опрокинул
и рванул летящим шагом,
всей пахучей вешней влагой,
всеми реками, ручьями
оживлять последний камень.

Погляди, вдохни, потрогай, -
мир перенасыщен Богом!
В каждой травке, в каждой птице,
в каждом всплеске - Бог искрится.
В каждом взгляде, в каждом сердце
пробуждается бессмертье.

X X X

А соловей!

А соловей!..

О, песня песней! Речь речей!
О, световой внезапный клин,
вонзенный в глубину глубин!

Единый взлет, единый звук, -
и вот - охвачен неба круг.
И вот - объята моря гладь.
и - больше нечего сказать!

X X X

О клёкот зеленый! Шумящая стая!
С щебечущей кроной взлетаю, взлетаю!

Раскинувши руки, куда – неизвестно –
Туда, где без муки, туда, где не тесно,
В родные просторы, в родные глубины,
в те выси, в которых все души едины!

Вершина седая Олимпа? Синая?
Себя покидаю, себе не нужна я.
Ведь нам для того и дается крыло,
чтоб тело слетело, отпало, ушло
сухой шелухой, желтеющей хвоей,
а следом – на волю такое, такое! –

Сонм капель крылатых – наплыв аромата! –
Постой, захлебнулась... Куда ты? Куда ты?!
– К жилищам орлиным, в высот забытье,
к Тебе в сердцевину, в безмолвье Твое...

X X X

Я сегодня счастлива, мой Боже.
Я сегодня просто Твоя птица.
Кажется, что некуда свободней –
мне себя самой совсем не надо.
Потому и кончиться не может,
потому не может прекратиться
песнь моя, что стала я сегодня
соловьем, пропавшим в гуще сада.

Х Х Х

О погоди, не торопись!
Не так-то просто прямо ввысь.
Ракета или самолет -
ведь это вовсе не полет,
а лишь удар, разбивший гладь.
И рано нам ещё летать -
в броне, в железе - во плоти.
А надо медленно идти,
как дерево, - на свет из тьмы.
Летают ангелы - не мы.
Летать умеют только те,
кто держится на высоте,
как корни в почве, - без подмог,
кому опора - только Бог.

Х Х Х

Береза - длинный тихий сказ,
береза обнимает нас,
и, наклоняясь к нам, ведет
с собою вместе в небосвод.

Сосна немотствует. Сосна
как бы совсем отрешена
от нас. Она спрямляет путь
из сердца ввысь - в иную грудь.

И вместо всех кружных дорог
одна стрела: вот ты - вот Бог.

X X X

Просквозите меня, просторы!
Мысли — с круга! С души — затворы!
Позовите из далей в дали,
уведите, куда позвали!

Через рай и сквозь пламя ада,
через гибель и через радость,
через сердце, сквозь мозг, сквозь кожу
дух провей! Просквози нас, Боже!

X X X

X X X

Тяжесть морского вздоха, —
полная грудь вселенной!
Как я люблю твой грохот
вольный и вдохновенный!

Зеленое сверканье,
Излом гривастых линий.
И — Духом созиданья
Наполнена Пустыня.

Этот восторг — неапатия,
право великой блажи...
Сердце раскрыто настежь —
тяжесть ломает тяжесть.

Ликующая ярость —
Сквозь все земные сети.
Души великий парус
И Духа вечный ветер.

х х х

Нет, не едины только хлебом! -
Внезапный взмах гигантских крыл -
Земля рванулась прямо в небо,
и Бог ей вечность подарил.

Не хлебом, но лучом единым,
единым духом мир наш жив!
И - от подножья до вершины -
навек изваянный порыв.

Неуывающая сила.
Спокойствие обретший шквал.
На небе навсегда застыла
дорога в Дух зубцами скал.

В обрыв ведущая дорога.
И каждый гребень - это знак.
Всем порывающим к Богу,
скала указывает: Так!

х х х

Легкий дух, воздвигший скалы,
Необъятность в точке тесной...
Бог - покой среди обвала,
Дом - посередине бездны.

Невесомая твердыня,
Ветер, схваченный рукою,
Чувство бездны и пустыни
Среди дома и покоя.

x x x

Что ж, может быть, Его и нет. -
Перед глазами - лишь предмет.
А Дух? Он снова ускользнёт,
как только маленький проход,
как только щелочка одна
появится... Едва видна,
но треснул целостный сосуд,
и Дух уже ни там, ни тут...

X X X

А ветер, о, Господи, ветер
чуть веющий, легкий и чуткий...
И листья дрожащие эти,
и блеск облаков в промежутке!

Весомей, веселья и грусти -
просвет, невесомые тени, -
ведь дерево листья отпустит
и снова весной наденет.

И что-то стирает и чертит
следы, точно промельки в чаще,
как Моцарт, над жизнью и смертью
легко и свободно парящий.

О, высшая эта свобода!
Небесная легкая тихость -
Повсюду - манящие входы,
повсюду - сияющий выход.

И так далеко до итога,
так близко до вечного смысла!
Ведь смерть - это только дорога,
как жизнь - это путь, а не пристань.

Всего лишь тропинка сквозная
в простор через радость и муки...
И дерево листья роняет,
как Моцарт бессмертные звуки...

х х х

Кружево... Кружится

тонкая сетка

Зелени майской... Листва - не листва.
Точки - листочки... За веткою - ветка
И - закружили меня кружева.

Нет ничего кроме кружева,

кроме

Этих кружащихся, вьющихся снов
И чем прозрачнее, чем невесомей.
Тем обнаженной основа основ.

Где она? Что она? Кто там смеётся,

Тяжесть и важность, развеявши

в пух?

Май - это надрево, май это Моцарт, -

Всё закруживший, танцующий дух!

х х х

А радость беспричинна

и непровержима.

Мы тяжелее глины

и мимолётней дыма.

Мы так бессильны, Боже!

Мы трепетны и гленны.

Мы ничего не можем.

Но этот блеск мгновенный!..

Но это озаренье,

но это уверенье,

но миг опроверженья

закона тяготенья!..

Х Х Х

О, Ты, родившаяся снова,
восставшая который раз!
Ты больше смысла, больше слова,
Ты больше мира, больше нас!

Весомей каменного кряжа
и легче, чем разлёт крыла.
Да кто же Ты? Ужели та же,
что так бесспорно умерла?!

Ужели Та же, Тот же, То же,
дохнувшее на нас с небес?
И каждый может, каждый может
вложить персты и знать: воскрес!?

И это птичье ликование,
весь кавардак священных нот -
восторг и счастье узнавания
души: всё Та же, То же - Тот!

Х Х Х

Когда душа сравнивается с сосной
всей высотой своей и тишиной
и смоятся следы от всех обид,
тогда сквозь душу Бог заговорит.

И тот сосновый благодатный шум
зальет, промоет и наполнит ум,
чтоб мысль внезапно тьму пересекла,
расправив два архангельских крыла.

X X X

Ни тоски, ни лиха,
точно. я не я.
За окошком тихо.
Там - душа моя.

X X X

Птицы много знают.
Ты у них узнай -
есть ли жизнь иная,
есть ли в жизни край?

Вымывшись в просторе,
замерли слова.
Погоди про горе,
ведь душа - жива.

Птицы знают много -
вмиг умеют счесть
далеко ль до Бога
или - вот Он, здесь.

Небеса раскинув,
загляделась в пруд,
И в её глубинах
мертвые встанут.

Точно искры света, -
звезды среди дня...
Да, не там, не это -
Посмотри в меня...

X X X

Есть тот космический расцвет
на оголившись просторах,
когда все дали, онемев,
разносят только звездный шорох.

Волна, волна... ещё волна...
Звучанье камня, лепет пены...
И - за стеной ушла стена, -
Упали все земные стены.

Никто ни с кем не разделен.
Никто не канул без возврата.
И слышен звездный перезвон
души с её далеким братом.

X X X

Я себя потеряла в Боге.
Я совсем себя потеряла
В этих соснах недвижно строгих
И в небесных пустых провалах.

Я себя потеряла где-то,
где ни тропок нет и ни двери, -
В бесконечных разливах света,
куда входят ценой потери.

X X X

О риск потери! Риск провала.
в любви - там, где меня не стало,
Вот там, где есть один любимый,
уже на части не делимый.
Не я и он, а только Он.
И - близится пасхальный звон.

X X X

Стрелы сосен, стрелы сосен, -
стрелы, пущенные ввысь!
Как он дивно светоносен,
путь всех тех, что поднялись
прямо в небо, прямо к Богу,
пролагая нам дорогу.

X X X

Не утешай меня, не утешай!
Дай мне испытать до дна всю безутешность!..
До дна, до края и еще - за край -
один бескрайний может стать безгрешным.

Мой дух всей болью мировую пьян,
и сам себя вовеки не измерит. -
Когда передо мною океан,
не надо, не зови меня на берег!

Я в океанской двигаюсь волне,
ликую и захлёбываюсь в пене..
Лишь океана в жизни надо мне,
а не бескрылых ваших утешений.

Мне Богом дух непостижимый дан,
входящий в мир сквозь смерть и через рану.
Меня не будет - будет океан.
Меня не будет - буду океаном.

И вот уже - не смерить и не счесть...
И вот уже - прибой рокочет глухо...
Одно лишь в мире утешенье есть -
бездонность сердца и бескрайность духа.

X X X

Пророк выходит против рока.
Не вдаль, а внутрь глядит пророк.
И внутренний великий рокот -
Как океанский вал широк.

Пророк провидит пламя в глине
священное. Сгоришь, - не тронь!
Вокруг него - всегда Пустыня.
Внутри него - всегда огонь.

И болью всей земли нагружен,
он прорицает: внутрь смотри!
Жизнь в глубине, а смерть - снаружи.
Рок - вне тебя, а Бог - внутри!

И этим внутренним напором
он заставляет стихнуть гром
и сам сдвигает с места горы,
остановясь в себе самом.

СОДЕРЖАНИЕ:

А. Зорин. Очевидность невидимого	3
Что значит "я"?	5
"Камин из пня. Костер-пещера..."	6
Элегия	7
"Ликованье! Ликованье..."	9
"Когда у сердца нет границ..."	9
"Не спрашивайте – есть ли в мире Бог?..."	10
"Не нужен общий замысел? Ну, да..."	10
"Остановись... И ты тогда заметишь..."	11
"А я и есть сосна..."	11
"Как точен счет, как вывод строг..."	12
"А после-то, а после что ж?.."	13
"Нет, я от вас не уйду, друзья..."	14
"А вы забудьте обо мне..."	14
"Качнулся лист сырого клена..."	15
"Прийти в себя, чтоб в тишине..."	16
"Бог не терпит других..."	16
"Что значит счастье? Счастье – это..."	17
"Я емь орган. Но органист не я..."	18
"Бог кричал..."	19
"О нет, душа моя – не я..."	20
"Невнятность..."	21
"Увековечено мгновенье..."	22
"И нам вовеки не понять..."	23
"Побудь со мной в тот самый трудный час..."	24
"мы призваны объять себя..."	25
После второй симфонии Шнитке	25
"Все дальше, дальше... Так далече..."	26
"Есть чувство "Я". Оно встает..."	27
Большая элегия	27
Медленный духовный труд	32
"Внезапным веером раскрывшиеся скалы..."	33
"А мне порою смутно снится..."	34
"Когда б мы досмотрели до конца..."	35

"Вот он звучит, тишайший в мире Рог..."	35
"Звезды глядят из немыслимой дали..."	36
"Такая даль..."	37
"С какой любовью мир творится!..."	38
"Ничего не делаю..."	39
Триптих	40
"Ты мне не должен ничего..."	41
"Нужна ли я лесам? Нужна ли я..."	42
"О лес..."	43
"И душу мне обволокнет..."	44
"Царство Его..."	45
"Хоры ангелов - это небесная тишь..."	46
"Так наступает царство Духа..."	47
Стелле	48
"Лес редееет. Золото в зеленом..."	49
"Под укрытием дождя, под прикрытием мглы..."	50
"Есть тишина, которая сама..."	50
"Бог высоко. Бог очень высоко..."	50
"Из инобытия... из теми..."	51
"Как в зеркале полуовальном..."	52
"Моя работа - жизнь моя..."	52
"Во мне созревают цвета и просторы..."	53
Молитва - это рост	54
"Ни идей, ни спорящих - ни слова..."	55
"Я шла сюда с мученьем и тоской..."	56
"Вот оно - знакомый наизусть..."	56
"Утоли мои печали..."	57
"А за окошком - осень. За окном..."	57
Триптих	58
"невозможному поверьте!..."	60
"Остановись. Замолкни. Не желай..."	61
"Еще чуть-чуть... Еще немного..."	62
"Когда душа взывает к Богу..."	62
"Как будто душу мне промыл..."	63
"Будь, откуда дерево растет..."	63

"Был плеск воды, как звук молитв..."	64
"Вечерний свет, как медленная птица..."	65
"О, научи меня, сосна..."	66
"Остановилась мысль моя..."	67
"Деревья творят постоянный молебен..."	67
"Там, за заливом, были скалы..."	68
"Молитва - это рост..."	69
"Хлеб насущный даждь нам, Господи..."	69
До смерти надо дорасти	70
"Нет тебя..."	71
"До смерти надо дорасти..."	72
"Есть мир иной, без "да" и "нет"..."	73
"Чистое пламя без дыма..."	74
"Этому ни вида, ни названья..."	74
"Смерть света. Угасанье дня..."	76
"Когда лицо твоё внутри раны..."	76
"Так недвижны стрелы сосен..."	77
"Деревья... Жизнь под взглядами небес..."	77
"Я знаю, что после смерти..."	78
"И наступил всех мыслей перебой..."	79
"Был в том последнем напряженном свете..."	80
"Мы не умеем умирать..."	81
"Потусторонний мир так пуст..."	82
Триптих	82
"О, как нас всех страшат пределы..."	84
"Облака ушли в кочевье..."	85
"Тишина. В ней шпиль высокий чертит..."	86
"Нет, мертвые не ходят по ночам..."	87
"Тебя я видела во сне..."	88
"О мертвых. Да, опять о мертвых..."	89
"Ни отчаянья, ни тревоги..."	90
"Все тем же незамеченным путем..."	91
"Разрезом через грудь - торжественное пенье..."	92
Саворский свет.	93
"А свет какой! Какой здесь свет!..."	94

"Ты был. Ты есть..."	94
Даная	95
"А березы ликовали..."	96
"А где-то... Нет, совсем не где-то..."	96
"Легкий хрупкий свет осенний..."	97
"Осень – это призыв..."	98
"Как я люблю безмолвье сентября..."	98
"Торжественная осень. Торжество..."	99
"Я видела, как в глину входит Дух..."	99
"И был расправлен и свободен..."	100
"И вдруг..."	100
Благовещенье	101
"Луч приближается к карнизу..."	103
"Осень. Осиянное прощанье..."	103
"Я – поэт. И, Господи, что значит..."	104
"Когда среди вымокших иголок..."	105
"Предчувствие... Преддверие... пред-шаг..."	105
"Здесь никого. Так полно одинок..."	106
"И вспыхнул вдруг/ фаворский свет..."	107
"Остановитесь! Свет идет!..."	107
"А в свете – все живы, и вот почему..."	108
"Час собрания, когда..."	109
Прозрачный час.	110
"Все нежней, розовой, голубей..."	111
"А тишина!..."	112
"Час безмолвия..."	112
"И ночь пришла. И мир затих..."	113
"Нарастанье, обступанье тиши..."	114
"А тишина приобрела..."	115
"Все тишина... Такая тишина..."	115
"Первая весть листопада..."	115
"Не тот, кто говорит со мной..."	116
"8 часы блужданий без дорог..."	117
"Луч последний лег на сосну..."	118
"Над водой разливалось такое затишье..."	119

"Лес что-то мне сказать хотел ..."	119
"Ты слишком "здесь". А где-то "там"..."	120
"Холодный день. Как бы в пустоты..."	121
"Как высь прозрачна и ясна..."	121
"Когда отцарствует заря..."	122
"Я знаю, где-то здесь, неподалеку..."	122
"Зеленовато-бурый холм..."	123
"В вечерний час..."	124
"Дух у плоти передышки просит..."	124
"А сосны ждали много лет..."	125
"Что значит Вечность",.. Чуть шуршит прибой..."	125
"Окаменев, над ним стою..."	125
"А где-то – только день один..."	126
"Замри!" – сказал Господь, и стала..."	126
"А истина безмолвна. Все слова..."	127
"В гуще жизни, в гуще света..."	127
"Леса, леса, леса, леса..."	128
"Тусклый день, почти совсем бесцветный..."	128
"И птичь песни недопеты..."	129
"Я дождь люблю за кротость и смиренность..."	129
"Прозрачный час. Истаиванье дня..."	130
"Свет замирал в тот тихий час..."	130
"И длится долгий час любви..."	130
"Белизна моя родная..."	131
"Стих пишется, когда ни шагу..."	131
Просквозите меня, просторы	132
"Есть радость, чистая, как капля..."	133
"Весть внутренний простор открыт..."	134
"И зачем глаголы вам?..."	134
"А черемуха провисла..."	135
"И вот пьяны весенним духом..."	136
"Дыханье тающего снега!..."	137
"Голоса, голоса, голоса!..."	137
"И ни сюжета, ни развязки..."	138
"Весеннее чудо, веселье капли..."	139

"Как он ликует, дух весенний!..."	140
"Не на горе, и не во храме..."	141
"Касание снега, дыхание мороза..."	142
"Нет, не стихи. Они умрут..."	143
"Веселиться! Веселиться!..."	143
"Когда зальется соловей..."	144
"Постой, постой, постой, постой!..."	144
"Так должно было случиться..."	145
"Это Бог ворваться хочет..."	146
"А соловей! "	146
"О клевет зеленый" Шумящая стая!..."	147
"Я сегодня счастлива, мой Боже..."	147
"О погоди, не торопись!..."	148
"Береза - длинный тихий сказ..."	148
"Просквозите меня просторы!..."	149
"Тяжесть морского вздоха..."	149
"Зеленое сверканье..."	149
"Нет, не единым только хлебом!..."	150
"Легкий дух, воздвигший скалы..."	150
"Что ж, может быть, Его и нет..."	151
"А ветер, о, Господи, ветер..."	152
"Кружево... Кружится..."	153
"А радость беспричинна..."	153
"О, Ты, родившаяся снова..."	154
"Когда душа сравнивается с сосной..."	154
"Ни тоски, ни лиха..."	155
"Птицы много знают..."	155
"Есть тот космический распев..."	155
"Я себя потеряла в Боге..."	156
"О риск потери! Риск провала..."	156
"Стрелы сосен, стрелы сосен..."	156
"Не утешай меня, не утешай!..."	157
"Пророк выходит против рока..."	158
Содержание	159

Зинаида Александровна Миркина

Альманах ЛиА Р. Элинина

Выпуск 7

Редактор Л. Вязмитинова
Художник В. Дьяконова
Технический редактор Ф. Мухамедова

000 Объем 10,25 п. л.
говорная Зак. № 387

урно-издательское агентство Р. Элинина
Москва, Ордынский тупик, 6

патент», г. Ужгород, ул. Гагарина, 101

